

ДОРОГА на ЦАРЬГРАД

НЕНАД ИЛИЧ

Афонские рассказы

Ненад Илич

Дорога на Царьград

«Яуза»

2017

УДК 821.163.41-31

ББК 84(4Серб)-44

Илич Н.

Дорога на Царьград / Н. Илич — «Яуза», 2017 — (Афонские рассказы)

ISBN 978-5-906716-82-8

Ненад Илич – сербский писатель и режиссер, живет в Белграде. Родился в 1957 г. Выпускник 1981 г. кафедры театральной режиссуры факультета драматических искусств в Белграде. После десяти лет работы в театре, на радио и телевидении, с начала 1990-х годов учится на богословском факультете Белградского университета. В 1996 г. рукоположен в сан диакона Сербской Православной Церкви. Причислен к Храму святителя Николая на Новом кладбище Белграда. Н. Илич – учредитель и первый редактор журнала «Искон», автор ряда сценариев полнометражных документальных фильмов, телевизионных сериалов и крупных музыкально-сценических представлений, нескольких сценариев для комиксов. Художественный редактор и автор текстов для мультимедийных изданий CD-ROM. Женат на Весне-Анастасии, с которой у него четверо детей. В соавторстве с супругой издал семнадцать книг. Вместе работают в области православного образования и развития духовности в современном мире. Его бестселлер, роман-синтез 2004 г. «Дорога на Царьград» выдержал в Сербии семь изданий. В Белграде в разгар ракетных бомбардировок НАТО священник Мики находит древнюю рукопись загадочного путешественника, путь которого, проходя через Сербию, по Цареградской дороге в Константинополь, чудесным образом выходит за временные рамки. За таинственной рукописью, в которой изложена история будущего, начинается захватывающая дух погоня через пространство и время. В романе искусно переплетены прошлое и будущее, тонкий юмор и горькие переживания, добродушная ирония и глубокое проникновение в вечные вопросы истории и сменяющихся форм бытия.

УДК 821.163.41-31

ББК 84(4Серб)-44

ISBN 978-5-906716-82-8

© Илич Н., 2017

© Яуза, 2017

Содержание

I. Драги Джавол	7
II. Трикорния	20
III. Бомбы	22
IV. Гроцка	26
V. Смедерево	36
VI. Чомбе	51
VII. Колары	54
VIII. Кража	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ненад Илич

Дорога на Царьград

© Илич Ненад, 2017

© ООО «Яуза-каталог», 2017

І. Драги Джавол

В восьмой день от начала бомбардировок Сербии отец Михаило после дневной трапезы и в ожидании вечерней службы вознамерился отдохнуть. Прилечь, поразмышлять о смерти и, если получится, чуток поспать. На протяжении всего времени, что продолжались бомбежки, в послеобеденные часы обычно устанавливалось затишье. И воспользоваться этим, чтобы ненадолго вздремнуть и в готовности встретить новую ночь и накат новой волны бомбардировщиков, старались все – и те, кто с воем сирен поспешно устремлялся в укрытия, и те, кто ночами напролет просиживал, затаившись, у окон на корточках или бодрствовал у телеэкранов, следя за драматичным развитием событий.

Поскольку воздушной тревоги объявлено не было, дети играли во дворе небольшого трехэтажного дома, в котором отец Михаило – известный в округе, как поп Мики, – провел свое детство. А попадья мыла тарелки на кухне, являвшейся до отъезда мужниных родителей в деревню неприкосновенной территорией ее свекрови.

Отец Михаило прилег на старую софу и раскрыл газету. Хотя его ждали лишь новости о разрушенных фабриках и зданиях, новых жертвах бомбардировок и искаженной трактовке происходящего сильными мира сего, священник искал в ней удовлетворение. Это удовлетворение ему сулили не мрачные репортажи на помятых страницах, а осознание того, что ту же газету читали и его отец, и его покойный дед, довоенный фотограф. Зачастую для людей, которые много размышляют о смерти, ощущение поступательной преемственности разума само по себе служит большой утехой. Уморенный слуга Божий подложил себе под голову разноцветные жесткие подушечки, но тут в дом кто-то позвонил.

– Ты откроешь? – донесся из кухни голос.

Пробурчав себе под нос «Ну, конечно, а то кто же?», отец Михаило, еще молодой, но частенько томимый усталостью человек, сунул ноги в свои клетчатые тапочки и побрел открывать дверь.

– Схоронись я в черную землю, меня бы и там нашли, – ворчал он. Священникам нередко представляется случай посетовать на отсутствие покоя.

Однако ворчливый настрой Мики быстро сменило изумление – на пороге стоял Драги Джавол, или «Дорогой Дьявол», сосед с верхнего этажа.

Господин Драги был тихим и замкнутым человеком. Никто не знал, за что он удостоился такого неподходящего прозвища, но его упорно звали так все – будто имя ему было Драги, а фамилия Джавол. И даже его сын Благое благодаря отцу получил прозвище Джаволче – «дьяволенок». Блажа Джаволче. Когда Мики был еще ребенком, Блажа уехал куда-то за границу. И в округе осталась только легенда о «Дьяволенке» – красавце и бабнике. Так оно обычно бывает: жители малых поселений не терпят, чтобы кто-то жил среди них без прозвища, а люди, не смиряющиеся с обидными кликухами, бегут от них подальше.

Сонный священник искренне удивился, увидев на своем пороге соседа, общение с которым ограничивалось *лишь учтивыми приветствиями* во время минутных встреч на лестничной площадке. Раньше он иногда видел его в церкви. Обычно господин Драги после службы быстро удалялся, не перемолвившись ни с кем ни единым словом. А в последнее время старик вообще не попадался Мики на глаза.

Священник вежливо пригласил гостя в дом.

Драги Джавол молча переступил порог. К груди он прижимал старую коробку из-под рубашки с эмблемой ДТР – загребской фабрики по пошиву одежды. Рубашка явно покупалась в идиллический период социалистической Югославии и, судя по всему, порвалась давно, прослужив свои последние деньки половой тряпкой (как это принято в домах с рачительными

хозяевами). Коробка же сохранилась. И сейчас, перевязанная шпагатом, она, похоже, скрывала нечто такое, что представляло собой несоизмеримо большую ценность, нежели белая рубашка.

Попадья Вера лишь на секунду высунулась из кухни посмотреть, кто пришел, и сразу же шмыгнула обратно. Ее не прельщало общение со смертельно серьезным стариком, пусть и соседом.

Когда Мики предложил гостю присесть, тот что-то промямлил и, не выпуская коробки из рук, опустился на самый краешек софы. А затем заговорил медленно, но четко и внятно – голосом, значительно более молодым в сравнении с его внешностью:

– Я пришел, так как полагаю, что вы – человек, которому можно довериться. И вовсе не из-за сутаны... – сказав это, старик окинул соседа взглядом с головы до ног. Ему было непривычно видеть Мики без рясы, да еще и в клетчатой рубашке и безрукавке ручной вязки.

Мики не стал садиться. Как радушный хозяин, он решил сразу же попотчевать гостя ракией¹. Конечно же – домашней, из тех запасов, что он каждый год привозил из деревни, от сына брата дядьки по отцу жены брата его матери. Или тот родственник приходился сыном брата другого дядьки – мужа материной сестры? – Мики не был до конца уверен. В любом случае ракия, по его мнению, была доброй. Забористая, лишь с небольшой кислинкой.

– Может, по чарке ракии?

Драги Джавол насупил косматые брови и помотал головой.

– Спасибо, я не пью.

– Ну, тогда я велю жене сварить вам кофе?

– Да нет, вы садитесь, пожалуйста. Я не задержусь у вас долго...

Гость, наконец, оторвал коробку от груди и, обращаясь с ней бережно, как с величайшей драгоценностью, поставил перед собой на столик.

– А как насчет сока?

– Спасибо, ничего не надо. Вы только сядьте.

– Может, минералку? Вы должны что-нибудь...

Будучи образцовым православным священником, Мики, тем не менее, ревностно придерживался старого языческого обычая гостеприимства, в сущности проистекавшего из суеверной озабоченности хозяев: откажется гость от угощения – жди в доме особой беды.

– Да сядьте же, что вы как дитяtko малое!

Отец Мики, оказавшийся вдруг под суровым прицелом вытаращенных и слезящихся старческих глаз, да еще и уподобленный дитяtky, быстро скользнул в кресло. И принялся рассматривать коробку. Она была такого яркого синего цвета, что резало глаз, с белой полосой и красным треугольником. А на ее крышке виднелся маленький черный силуэт бегущего трубочиста. Священнику вдруг этот силуэт трубочиста показался каким-то нарочито мистическим. С чего бы это трубочисту бежать? Он же не пожарник. Впечатление, будто речь шла о некоем тайном символе, указующем на горячее содержимое коробки.

Пока Драги Джавол ходил в церковь, он время от времени – по большим праздникам, а иногда и по простым воскресеньям – даже причащался. Без исповеди. Ни отец Михаило, ни отец Райя, старейшина церкви, не принуждали его. Похоже было на то, что старик знает, что делает. А, учитывая сербские нравы, кое-кто мог бы посчитать его даже фанатичным верующим. И все же в нем было нечто такое, что немного смущало обоих священников. А именно,

---

¹ Ракия – крепкий алкогольный напиток (содержание спирта от 45 до 60 %), получаемый методом дистилляции виноградного вина или фруктовых соков и повсеместно популярный на Балканах. В домашних условиях ракию варят в октябре–ноябре после сбора урожая и обеспечивают ею на всю зиму. В Сербии ракия-сливовица – национальный напиток. У сербов не принято говорить «гнать водку», там говорят «печь ракию». Сербы считают, что крепкая ракия – напиток для крепких людей. Они шутят, что гостям нужно выпить четыре рюмки ракии. Первую – за «добро пожаловать!», вторую – за то, что гости «пришли на двух ногах», третью – за то, что «мы крестимся тремя пальцами», а последняя рюмка сопровождается прибауткой: «Если вы выпьете четвертую, то увидите на четвереньках».

Драги Джавол не отмечал «славу» – праздник в честь святого, покровителя семьи. По крайней мере, он не приглашал священника к себе в дом – ни в преддверии праздника, чтобы освятить воду, ни в день праздника, чтобы порезать пирог.

Объяснялось ли это тем, что, будучи вдовцом, он не мог подготовиться к приему гостей, или чем иным – поп Мики не знал. Но, как бы там ни было, причины сомневаться в старике-отшельнике, носившем прозвище «Дьявол» и не привечавшем в своем доме священника, имелись. И тот маленький, черный мистический трубочист... выглядел так по-масонски! Мики иногда перед сном читал литературу о масонах и не думал о них ничего хорошего. Вольные трубочисты?

«Как знать, может, это какая-нибудь особая ложа под стать вольным каменщикам?» – размышлял священник.

Драги Джавол положил свою прозрачную руку на коробку, прикрыв трубочиста. Мики поежился. Случайно ли это или старик читает его мысли? Священник быстро поднял взгляд. Необычайно слезящиеся старческие глаза словно плавали в воде.

– Так складываются обстоятельства. Да... – Не сводя взгляда со священника, старик свободной рукой поправил на носу очки. – Здесь хранится нечто... нечто действительно драгоценное.

Мики с готовностью кивнул головой, как человек, всецело понимающий ситуацию.

– Видите, что творят эти полоумные? Эти, что нас бомбят?

– Вот именно – полоумные. Это вы верно сказали. – Мики открыл рот, чтобы повести мастерский разговор о политической ситуации в мире (любимое занятие подвергавшихся бомбардировкам сербов), но господин Драги не выказал и толики учтивости. Да и с чего бы ему ее выказывать? Гость был более чем вдвое старше хозяина.

– Здесь хранится... как бы это вам получше объяснить... Здесь хранятся важные документы. Очень важные, им нет цены.

Черные и слезящиеся над мягкими мешочками подглазий старческие зеницы вонзались сквозь опущенные на нос очки прямо в заспанный мозг Мики. Священнику даже почудилось, будто косматые брови старика угрожающе вздернулись вверх. Как маленькие оцетинившиеся зверушки. «Возможно, из-за этих своих косматых бровей он и получил такое прозвище», – подумалось Мики.

– Да. Именно так. Им цены нет, – продолжил старик. – Я храню их уже многие годы. А сейчас вот... Я испугался, как бы не вышло, как в прошлую войну, когда сгорела Народная библиотека... Все старые рукописи...

– Ужасно! – вздохнул Мики. – Почему именно с нами история постоянно повторяется?

Старик взглядывался в своего более молодого, но при том серьезного собеседника. На вид он был и удивлен, и обрадован его интеллектом.

– Да, это серьезный вопрос... Вечность... Мы отвратили свой взор от вечности. Потому и ситуации повторяются. Как вам известно, жизнь во времени сама по себе не так уж плоха. Плоха вера в то, что вне времени не существует больше ничего.

Время поглощает человека не потому, что он живет в нем, а потому, что он верит в его реальность и в результате забывает о вечности или пренебрегает ею.

Увидев, что попу нечего добавить к изреченной им фразе о повторении ситуаций, времени и вечности, старик махнул рукой и продолжил, понизив голос:

– Можем поговорить об этом в другой раз. Знаете, я тут немного понаблюдал. Мне знакома схема, по которой они бомбят.

Отец Михайло засмотрелся на волнистые искривления старческих губ, пожалуй, чрезмерно подвижных. «Как будто у них лопнули резинки», – подумалось ему. И его снова потянуло в сон. Целыми ночами он смотрел телевизор, ждал новостей и всякий раз после отдаленных взрывов подскакивал к окну – поглазеть на то, что можно было увидеть вживую. А утром

отправлялся в церковь. С воскресенья наступал его черед совершать утрени, служить литургии Преждеосвященных Даров и отправлять вечерни, а также нести дежурство в приходской канцелярии.

– Сначала они поражают казармы, фабрики, уничтожая то, что люди создавали и обретали годами, а дальше по заранее разработанной стратегии тщательно выбирают те объекты, уничтожение которых потом называют «косвенным ущербом», и бум! – извиняемся! И никто не знает, что они на самом деле учинили.

«Еще одна теория», – подумал сонный Мики. Прикрыв рукой рот и слегка нагнув голову, он зевнул.

– Я не верю в случайность! Только простаки и невежи верят в случайность. Те же самые, что верят, будто жизнь возникла случайно, в каком-то древнем морском «супе». Вероятно, с клецками. Ха! Как же! Ведь это случилось давно, а давно случиться могло всё, что угодно, – смешок старика больше походил на откашливание косточкой, застрявшей в горле. – И они еще хотят нас убедить в существовании объективного времени! Объективное время! Да что они знают! Ничего-то они не знают! Прервись жизнь на Земле, какая нам будет разница, сколько еще миллионов лет просуществует космос? Конец света для нас уже наступит.

То, что Вселенная просуществует до своего полного коллапса еще миллиарды лет, не значит ровным счетом ничего ни для Бога, ни для людей! Что людям известно о времени?! И о вечности?! – Старик бросил взгляд на тыльную часть своей ладони, как на очевидную жертву времени. И медленно убрал руку с крышки картонной коробки. Маленький трубочист продолжил свой таинственный бег. Мики опять пробудился. Зажмурился и растер по ресницам слезы от зевания.

– Ну так вот... Я хотел бы вас кое о чем попросить. – Продолжил старик еще тише. – Они еще не включили церкви в мишени для нанесения «косвенного ущерба»... Да и не включают. Я знаю, как они рассуждают. Они, конечно, безбожники, но при том – суеверные мракобесы. Так вот... Не могли бы вы отнести это в нашу церковь и хранить там, пока не закончится вся эта заваруха?

Поп Мики испытал затруднение. Отнести загадочную коробку с мистической фигурой трубочиста в церковь и хранить ее там между иконами и книгами крещеных и венчанных! Он не страдал паранойей, но тут его внезапно охватило сильное сомнение.

Старческая кисть снова прикрыла трубочиста.

Мики был не больно разговорчивым. Даже когда требовалось сказать какому-нибудь прихожанину, сколько нужно заплатить за освящение воды, он вместо того, чтобы измыслить более-менее подходящую пропагандистскую историю, лишь бормотал «Сколько дадите», и, пока его уши краснели, упорно разглядывал подставку для зонтиков или считал сваленные в кучу башмаки с оторванной подкладкой, деформированные от гвоздей.

А вот всегда мрачный и молчаливый старик словно бы до этого момента просто не имел возможности проявить свою предрасположенность к болтливости.

– Разве я многого прошу? Пока это находится у меня, мы все пребываем в опасности. Все в этом доме, без исключения. И вы, и ваши дети, – старик вновь поправил очки на носу. – И вы, конечно, понимаете, что смерть – лишь результат нашего равнодушия к бессмертию. Умирают только лодыри и невежды. Да, любое расставание, даже временное, не очень приятно. Не так ли? Это нужно признать. А они не шутят! И я ни за что не посмел бы и дальше держать эти бумаги у себя.

Мики стало неприятно оттого, что старик упомянул об опасности, угрожавшей его семье. «Ну что он все время говорит только о смерти! Легко ему, когда он настолько старый. Может бравировать. Ценные бумаги... ну какие еще ценные бумаги? Акции «Майкрософта»? Похоже, старик выживает из ума».

Мики вспомнил, как его покойная бабка прятала в шкафу принесенные ей апельсины до тех пор, пока они там не сгнивали. Что тут скажешь? И грустно, и смешно. Ну, те сгнившие апельсины хотя бы разносила моль.

– Скажите мне, что я могу рассчитывать на вас. Что вы постараетесь любой ценой сберечь то, что я вам передам.

«Христианам недопустимо клясться». – В голове Мики, уже начинавшей гудеть и от усталости, и от необычной, напористой энергии старика, промелькнула сентенция, выделенная в учебнике по христианской этике. Но ответить молчанием гостю он уже не мог. И потому постарался, чтобы его голос звучал как можно более умиротворяюще и духовно.

– Не беспокойтесь, дядя Драги. Даст Бог, и то, что должно остаться в сохранности, сохранится.

Старик подхватил коробку со стола и попробовал вскочить на ноги. Но его попытка обернулась мучительным распрямлением дряхлого тела, сопровождавшимся совсем не бравурным побряхтыванием.

– Это нас и убьет! Я тебя просто спрашиваю – сбережешь ли ты для меня... Не для меня, а для всех, для себя... Я вложил в это полжизни. Да что там полжизни – всю свою жизнь, а ты мне здесь... словно сентиментальная барышня. «Даст Бог!»

Старик закашлялся. Мики лишь растерянно стиснул подбородок и покраснел.

– Бог нам даст, если мы постараемся, если кровь свою прольем, как пролил Он на Кресте! Что твоя жизнь? В кого вы, священники, превратились? В распускающих нюни сборщиков податей! Что велит вам Господь? Если вы, священники, позабыли – то свобода существует! Да, «отче»! Существует! Или вы, может, думаете, как сущие невежды, что закономерность будущего не есть подлинная статистика!.. И кому я это говорю? «Даст Бог»... – передразнил старик Мики. – И что я у тебя вообще-то попросил? Всего лишь отнести это в церковь и сохранить там, пока все не закончится! Да что уж там, – махнул рукой Драги Джавол и закончил холодным, официальным тоном: – Забудьте, что я сюда приходил.

Старик надвинул очки на нос, снова прижал коробку к груди и решительным шагом направился к двери. Мики стало совсем не по себе. И он вскочил на ноги.

– Простите, дядя Драги, я не хотел... (необычайно гладкий лысый череп старика неодолимо напоминал попу Мики бильярдный шар), чтобы вышел карамболь², – ляпнул Мики и тотчас же прикусил губу.

Старик встал как вкопанный, искренне удивленный.

– Карамболь!

Мики по-идиотски оскалился.

Драги Джавол поглядел на него чуть ли не с сожалением. Его косматые брови взметнулись высоко вверх, а очки съехали на самый кончик носа.

– То есть, я хочу сказать, что мы просто не поняли друг друга. Конечно же, я сберегу для вас... это, – пробормотал Мики, указывая на коробку в руке старика.

Тот молча вернулся к софе. И торжественно поставил коробку на столик – точно на то самое место, где она уже стояла. А затем сухой и мягкой старческой ладонью схватил руку Мики и с силой потряс ее.

– Значит, я могу считать, что вы взяли материал на хранение и сбережете его любой ценой?

«Материал на хранение! Похоже, дядька был скоевацем³, – подумал Мики. – Бомбардировки пробудили в нем старые воспоминания. А в коробке, вероятно, хранится список под-

---

² Карамболь – в бильярдной игре: рикошетный удар шара, отскочившего от другого шара, по третьему; здесь игра слов: по-сербски «карамбол» имеет также переносное значение: столкновение.

³ Скоевац – член Союза коммунистической молодежи Югославии (СКОЈ – Савез комунистичке омладине Југославије)

польщиков и листовки из сорок второго года. Он не единственный, на кого так подействовали бомбежки», – Мики вспомнил, как сосед Чомбе, активист, в первый же вечер воздушной атаки, когда после сирены люди в смятении выбежали к магазину самообслуживания, прочитал лекцию о необходимости выключать свет и зашторивать окна. Те, кто не бросился в убежище высотки, просидели в своих квартирах всю ночь с занавешенными окнами, в полумраке, голубоватом от мерцания телевизоров с выключенным звуком. И лишь по прошествии нескольких дней они осознали, что летчикам больше не было нужды выглядывать из окна самолета, чтобы бросить бомбу в дымоход.

– А то как же, дядя Драги. Не беспокойтесь. И извините за недопонимание.

Драги Джавол успокоился. Он положил руку на плечо священника и, понизив голос, дал ему последние наставления:

– Случайности исключены. Надо только установить сеть. Найти координаты.

«Как бы ему не взбрело в голову начать меня знакомить с сетью подпольщиков прямо сейчас», – пролетела в голове Мики пугающая мысль. А он как раз начал поглядывать на софу и только ждал подходящего момента, чтобы выпроводить одряхлевшего телом и разумом старика. Священник уже почти забыл, зачем тот пришел к нему, и кроме желания прикорнуть его не занимало больше ничего. Ни коробка, ни трубочист, ни бомбардировки.

– Я знаю, что меня ждет, – Драги Джавол устало кивнул головой. – Да... И все же эта неотвратимость так условна. Время и пространство – не ограничение, а опыт. Вам, как человеку, посвятившему себя служению Господу, должно быть, это известно? Или вы лишь догадываетесь об этом?

Глаза старика сияли радостью, когда он сквозь очки разглядывал черные точки на носу Мики, всматриваясь ему в лицо.

– А в тот день, в момент встречи... – Драги Джавол умолк на полуслове и задумался. Его взгляд устремился куда-то ввысь, поверх Мики. – Об этом мы поговорим в следующий раз.

Старик похлопал Мики по плечу и направился к выходу. У двери он еще раз обернулся, вздохнул и посмотрел на молодого соседа-священника. Мики показалось, что в его взгляде промелькнуло сочувствие.

– В любом случае ваше путешествие уже началось.

Мики не понял, что имел в виду Драги Джавол. Но и расшифровывать его тайный код ему не больно хотелось.

Глаза священника слипались от сонливости. Он проводил нежданного гостя. На пороге Мики еще раз заверил соседа, что сделает все необходимое и что все будет в порядке. А затем, и мельком не взглянув на коробку, рухнул на софу и, даже не читая газеты, мгновенно заснул.

Проспал Мики недолго. Но когда его разбудила жена, он не понимал, жив он или мертв, утро на дворе или вечер и какого дня, и даже не мог сказать, как его зовут. Прибегнув к методу спокойного, но настойчивого повторного внушения, попадья убедила его в том, что он жив и служит священником, что зовут его Михаило и что он опаздывает на вечернюю службу.

По-быстрому облачившись в рясу и накинув поверх старый плащ, Мики, как был в тапочках, так и выскочил за дверь, и только на лестнице сообразил, что уместнее надеть ботинки.

А вернувшись из церкви, в которой он отправил вечерню наедине с пономарем (там кроме них двоих никого больше не было), Мики заметил на столике коробку и вспомнил об обещании, данном смертельно докучливому старику.

Опасаясь, как бы дети не повредили ее ненароком, Мики взял коробку и, определив по весу, что внутри нет ничего взрывоопасного, убрал ее в верхний ящик тяжелого комода из щепы, отделанного дубовым шпоном. Комод тот купили еще его родители на какой-то давней распродаже «Словениялеса». Он вообще не гармонировал по стилю с остальными предметами мебелировки, но времена тогда даже для священников были нелегкие, и отцу Михаилу не приходило в голову его поменять.

* * *

После Пасхи поп Мики, бросивший курить еще несколько лет назад, потихоньку начал снова покупать сигареты – когда они поступали в киоск госпожи Лолы. Сосед-таксист был ее добрым знакомым и всегда знал, когда прибудет новая партия.

– Вопрос только времени, когда подключатся китайцы и русские. Моя кума работает на таможне, – с этими словами Лола втянула шею в широкий воротник из кожзаменителя и высунулась в окошко киоска к священнику. – Так вот она говорит, что они со дня на день ожидают из России тайную поставку тех ракет, что достают высоко, до врага. С-300! Разобранные! Все в таких коробках, – Лола показала на кучу пустых коробок из-под сигарет, набросанную возле киоска, и слегка закашлялась. – Известно дело! Русские нам должны какие-то деньги, так наши с ними договорились таким путем покрыть долги. Да и вы в церкви помолитесь за нас, отче, чтобы все пошло, как надо! И пойдет, пойдет!

Мики не слишком верил в чью-то помощь и защиту сербов от бомбардировок, но ему было по душе, что Лола не считала положение дел безнадежным. Такова человеческая натура – надеяться на что-то и до второго пришествия Христа.

– А иначе, если потребуется – так мы им пульнем одну атомную. И пошло все... не буду говорить, куда, перед божьим человеком. Такой мир и недостоин лучшего. Только вот не знаю, останется ли хоть один серб, чтобы было кому нажать на кнопку, – немного загадочно продолжила киоскерша. – Вы слышали, что произошло в доме № 6? По вашей улице?

Мики ничего не слышал о происшествии в доме № 6. Как всегда учтивый, он готов был выслушать рассказ госпожи Лолы. Но очередь за сигаретами за его спиной увеличивалась, и он испытывал неловкость, задерживаясь у окошка.

– Знаете, отче, ту крашеную пожилую француженку? Ту, что не настоящая француженка, а вышла замуж во Франции. Понимаете, кого я имею в виду? Ну ту, с черной немецкой овчаркой, вот здесь у нее белое пятно... То есть у овчарки, а не у француженки.

Нависшая над окошком госпожа Лола коснулась рукой своих огромных грудей. Мики не мог вспомнить француженку. В доме № 6 он освящал воду только у паркетчика и его жены. Паркетчик даже зимой торчал в окне с приклеившейся к губам сигаретой и старой сеточкой для волос на голове. А жена его была очень болезненной и все время лежала в постели. Не желая вызвать ворчанье в очереди, священник лишь торопливо кивал головой, как будто ему уже все было более-менее известно.

– У нее был брат, Ниджа, тот, что сошел с ума и искал авиабилеты до Америки в мусорных баках. Припоминаете? Он недавно умер, а она наоборот – осталась жива. Потом была эта махинация с квартирой и сарайчиком во дворе. Помните? Один человек подделал Ниджину подпись и вселился туда. И вот в один из дней, после того, как все это началось, ее сын исчез. Бесследно. Известно дело! Слово дух. Приезжала полиция. Это уже пятый или шестой случай исчезновения человека в нашем краю. И не говорите мне, что исчезают только молодые, те, что бегут от мобилизации. Были среди них и пожилые, и одна женщина. Толстуха, например, что жила возле булочной. Припоминаете? Она всегда ходила с такой маленькой розовой сумочкой. Припоминаете? – Госпожа Лола смотрела на священника пристально и недоверчиво, как инспектор.

Мики стало не по себе оттого, что он не мог вспомнить ту маленькую сумочку. Он почувствовал, как краснеет, и неловко заулыбался людям из очереди. К счастью, те, что стояли сразу за Мики, все еще выказывали терпение. Правда, высокий косоглазый пьянчуга, живший за парком, начал вздыхать и испускать кислые винные пары, но и он не возмущался. «Люди за время бомбежек определенно стали лучше и терпеливее, – подумал Мики. – Никто никуда не спешит».

– Как это человек может взять и исчезнуть? Я вас спрашиваю. Известное дело – только так, как дух. А что это на самом деле означает? Что это за «духовитость» такая? Вы меня понимаете?

«И что она заладила «известное дело, известное дело»?» – начал возбуждаться Мики.

– Вы – человек Божий. Занимаетесь духами. Поразмыслите над этим, – Лола многозначительно подмигнула Мики и отвела свои выпученные глаза назад в киоск. Как черепаха. Огромная.

«Кто-нибудь когда-нибудь видел госпожу Лолу вне киоска?» – пронеслось в голове у Мики.

Священник даже не подумал разгадывать загадку, которую ему задала черепаха-киоскерша. Если бы священники вмешивались во все, что им доводилось слышать от своих прихожан, они бы быстро сходили с ума. Испытав облегчение оттого, что ему, наконец, удалось закончить разговор, не обидев госпожу Лолу, Мики отделился от очереди у табачного киоска и, как смертник, с грустью наслаждающийся, быть может, последним теплым весенним деньком в своей жизни, медленно, едва переставляя ноги, побрел по направлению к дому. Там его ждали традиционное распитие кофе с друзьями и повседневный анализ политической ситуации. А в этот раз он мог поделиться с гостями и сигаретами, как истинно гостеприимный хозяин. По дороге Мики приветствовал соседей, выбравшихся на улицу, чтобы немного погреться на солнышке подле домов с окнами, перекрещенными самоклеющейся лентой. Ленты те люди наклеивали, чтобы защитить себя от осколков битого стекла в случае близкого попадания какой-нибудь ракеты, но священнику Михаилу они почему-то больше напоминали символ крови агнца на косяках еврейских домов в Египте. Явный знак надежды людей на то, что их обойдет стороной ангел уничтожения.

В окне дома № 6 паркетчик в толстой полосатой пижаме и с обязательной сеточкой на голове как раз курил сигарету. Шевельнув пожелтевшими усами, он лишь по-приятельски кивнул попу головой и облокотился на оконную раму. Ничто не указывало на то, что в доме № 6 случилось что-либо необычное.

Мимо Мики прошли два местных парня, которых поп знал только в лицо. В руках они несли ящик пива.

– Нам сегодня на вечер! – на ходу весело бросил худощавый дылда с волосами, похожими на мокрую щетку. – Может, и вы, отче, заглянете?

Мики догадался, что его приглашали подняться на крышу высотки и за компанию посмотреть фейерверк противоздушной обороны и проследить за взрывами в городе.

Вечерами, когда раздавалась сирена воздушной тревоги, местные парни – в основном те, что до начала бомбардировок предпочитали проводить время в кафе и барах, – поднимались на крыши домов. И там, сидя на раскладных стульях и накрытых картоном ящиках, они под пиво или более крепкие напитки дразнили смерть и болели за родную противоздушную оборону, у которой не было больших шансов на успех в противостоянии с самой дорогой американской техникой.

Мики не входил в число тех, кто проводил ночи в бомбоубежищах, но и не горел желанием испытывать судьбу и поддразнивать смерть. Кроме того, ему как человеку семейному, да еще и священнику, не подобало распивать алкоголь на крышах и ругать невидимую силу поднебесья.

Поэтому он вежливо улыбнулся и поблагодарил парней за приглашение.

Дойдя до середины улицы, Мики заприметил толпу перед своим домом. Он ускорил шаг. Какой-то фургон – судя по всему, машина «Скорой помощи» – перекрыл проезд, а вокруг него кружили без дела соседи. Немного в стороне стоял восьмилетний сын Мики, Божа, тихонько ударяя наполовину сдувшийся баскетбольный мяч об асфальт.

«Речь не о моих, – эта первая мысль, промелькнувшая в голове священника, принесла ему минутное облегчение, но затем он снова предпочел обеспокоиться и возвыситься до уровня всеобщей христианской любви: – Из-за кого они собрались?»

Мрачная, но спокойная попадя махнула Мики рукой из окна, а соседи расступились, чтобы пропустить его поближе к центру происшествия – с уважением, как человека, связанного со смертью.

С посеревшим лицом, без очков, накрытый по горло простыней, Драги Джавол лежал на носилках, вперив взор в небо. Когда Мики приблизился, старик слегка повернул голову набок, к священнику.

А в тот самый момент, когда его соседа, потряхивая, заносили в машину, Мики почудилось, будто Драги Джавол ему подмигнул!

И только тогда священник вспомнил о неисполненном обещании, данном старику больше недели назад. Мики испытал искушение тотчас же достать позабытую коробку и побежать в церковь, но, когда фургон скрылся за углом и собравшиеся люди начали расходиться, появился художник Чеда с женой и дочкой. И они вместе поднялись по ступенькам.

Вечно усталая Звездана чуть ли не с порога начала сетовать на новое творческое искание Чеды, из-за которого он облепил всю комнату газетными страницами с объявлениями об умерших для поминания. Чеда же, в свою очередь, обвинил Звездану в алчности. Он взялся за большой проект – написать иконы для каждого серба, должного умереть. Работал и днем, и ночью. О, если бы он только смог всех умерших в грядущий период обеспечить своим образом-«пропуском» в Царствие Небесное, если бы ему удалось одарить всех умирающих своей любовью! Это был бы мистический акт и качественный прорыв на новый уровень. Какой – он не знал, руководствуясь лишь интуицией. А Звездана во всем этом сразу узрела возможность хорошенько подзаработать. Надо было только войти в долю с фотокерамистами. Люди непременно захотят, чтобы на надгробных памятниках их родных вместо фотографий упокоенных находились иконы – в этом Звездана не сомневалась. И без того все так нахваливают упокоенных, что слова уже все расточили. А вот образы не расточаемы.

Подвергшаяся нападению Звездана обвинила Чеду в том, что из-за покойников, тарашащихся на нее со всех стен, ей начали сниться страшные сны. Покойная бабка являлась ей чуть ли не каждую ночь, а это явно не к добру.

И тут Чеда и Звездана серьезно разругались.

Чтобы как-то разрядить обстановку, Вера рассказала им о том, как околел попугай Цуне, и она его украдкой закопала во дворе. Детям же сказала, что попугай вернулся на юг в свои родные места.

Теперь уже Звездана с Верой заспорили о том, насколько педагогично заводить с детьми, да еще такими маленькими, разговоры о смерти.

Мики присутствовал лишь частично. Сидя в кресле, он мыслями то и дело возвращался к ящику комода, где лежала коробка из-под рубашки, бередившая ему совесть. На протяжении нескольких дней он не встречал старика и совершенно позабыл о данном обещании. А тот, быть может, лежал все это время этажом выше больной. Кто знает, кто вообще вызвал «Скорую помощь».

Мики всегда презирал людей, не желавших помогать страдальцам, но готовых оказывать услуги людям, от которых что-то зависело. И вот сейчас священник пенял и себе за то, что уподобился им. Как какой-то корыстолюбивый и бесчувственный поп.

Дети во дворе подрались. Дочка художника завывала как сирена. Женщины вышли на веранду, чтобы успокоить ребят.

Мики хотел воспользоваться возможностью и исповедаться другу, но тот, едва завидев спину жены, приблизился к его лицу, выразительно глядя Мики в глаза, и принялся объяснять ему детали своего художественного замысла.

То, что он делал, копируя иконы, Чеда все больше воспринимал, как некую учтивую и благонамеренную ложь. Но он не знал, как передать кистью то, что чувствовал на самом деле. Вынужденный заботиться о семье (Звездана не работала), он поставил производство икон на поток. Заказ здесь, заказ там – художник брался за все. В определенный период времени иконы в Сербии можно было обрести только на заказ. Когда же вспомнили о нации и Церкви и начали снова праздновать «славу», сербы друг другу передали и устное предание, согласно которому каждому, кто заботился о себе, следовало иметь дома хотя бы икону своего святого покровителя.

У людей тогда уже не было много денег, но на иконы они их находили. Некоторые искали иконы, украшенные настоящим золотом, иные довольствовались теми, чей задник был сделан из шлагметалла⁴. А многих удовлетворяла и простая золотая краска, похожая на старинную бронзу для покрытия кухонных плит.

И Чеда начал работать все быстрее и быстрее, а, значит, все небрежней. Как машина – почти не размышляя. Он чувствовал, что ведясь на компромиссы, он предает и свое искусство, и самое понятие святости. И оттого его обуревал настоящий ужас.

Художнику пришла в голову идея обклеить комнату газетными объявлениями об умерших. Он вбил себе в голову, что бессовестную коммерциализацию своего таланта сможет испушить тем, что любую свободную минуту будет тратить на написание икон каждого умершего человека, о котором только услышит и чью фотографию увидит. Чеда считал, что это будет его молитва за то, чтобы покойные оказались в Царствии Небесном. Его подвиг в любви. Если «штамповать», так «штамповать» не раздумывая – много и бесплатно, чтобы это штампование перестало быть обманом и обратилось в истинную любовь.

– Вы, попы, говорите – вне Церкви нет спасения. Того, кто не крещен, Господь не принимает, – Чеда поднял костистую кисть руки и начал на пальцах отсчитывать аргументы. – Но тогда признайте и вот что: тот, кто не участвует в святой литургии, остается без любви Бога и ничего не получает от Него. С другой стороны, вы спокойно взираете на то, что на литургию приходит лишь горстка людей. И вообще не беспокоитесь по этому поводу.

– Все не так просто, – неуверенно проговорил Мики.

– Или вы, на самом деле, втайне думаете, что любовь Божья объемлет всех? – продолжал Чеда. Он сжал кулак. С минуту художник смотрел на свои скрюченные пальцы так, словно видел их в первый раз, а затем продолжил: – Что Господь возьмет под свою защиту и тех, кто ходит в церковь, и тех, кто туда не ходит? И тех, кого вы убеждаете, что посредством ваших освящений воды, пирогов к «славе» и похорон они воздают дань Господу? И даже ту массу народа, которая в этом не участвует? Если так – то по мне все в порядке. Единственное, что тогда следует сделать, так это – прекратить запугивать людей. Слушай, как-то мы пришли на литургию в Соборную церковь. И нас выбрал поп – тот, что с бровями. В пух и прах изругал нас за то, что кто-то там не ходит в церковь. Нас – пришедших!

Мики было начал объяснять, как много разных предательств в Доме Отца нашего, но Чеда снова его перебил. Он вдруг будто стал озаренным. С лицом, как у ребенка. Лысеющего ребенка с длинными редкими волосами, собранными в хвост.

– Чего я в действительности хочу? Я хочу создать икону для каждого серба! Да-да! Потому что я не в состоянии написать образы сразу для всех людей на свете. Потому что на самом деле я не могу этого сделать даже для всех десяти миллионов сербов – а лишь для тех, кому это срочно надо. Для тех, кто отошел в мир иной. Сколько людей умирает ежедневно в Сербии? Сто? Двести, триста? Почему бы мне не попытаться? А ведь я могу еще попопро-

---

⁴ Шлагметалл, или золотая поталь – потали из бронзовых сплавов, имитирующие сусальное золото различных оттенков. Поталь – имитация сусальных материалов.

вать убедить какого-нибудь художника принять в этом участие. Этакая Скорая иконописная служба. Может быть, и тот красный крест нам останется. Разве это не есть истинная церковь?

И мы не забудем про тех, кто кончает жизнь самоубийством, и тех, кто не крещен, и мы не будем спрашивать, почему этот человек лишил себя жизни, а тот не крестился... Все люди – дети Божьи, и все святые. Ладно, я понимаю, что некоторые из людей обуреваемы злом, но зло в конечном итоге исчезнет. В конце его больше не будет... И пусть никто не говорит мне об истине. Они хотят от Бога истины! Да уж! Зачем любви истина?

– Ну и где же тут свобода? Как же те, кто не хочет быть спасенным? Кто не хочет быть с Богом? – поспешил встрять Мики, пока друг его снова не перебил: – И любви нет без свободы!

Озаренный Чеда ненадолго задумался. Брови, приподнятые в радости триумфа, не опустились, тогда как светлые глаза, быстро бегая, считывали ответ, записанный невидимыми словесами на священнике.

– Хорошо... Но в таком случае действительно достаточно одного – хотеть быть с Богом. Если Бог есть Любовь, то Церковь – это те, кто любит!

Мики попытался подыскать нужные доводы, которые бы помогли ему отстоять традиционное устройство Церкви. Он не относился к числу быстро соображающих людей, и нужный ответ в каком-нибудь споре всегда приходил ему в голову с опозданием, когда собеседник уже уходил. Пока Мики напряженно прокручивал в голове подходящие теологические формулировки, с веранды вернулись женщины. Друзья договорились, что продолжат сложный разговор в другой раз.

Маленькая компания принялась сплетничать о политиках и соседях, сдабривая разговор массой шуток. Мики никогда не отличался удачными остротами и довольствовался тем, что смеялся над чужими шутками. Вера попыталась задержать гостей на обед, но у Чеды была намечена встреча с одним потенциальным покупателем его старого раздолбанного «Ситроена».

Безуспешно попытавшись с веранды успокоить детей, визжавших во дворе, Чеда и Звездана спустились вниз, чтобы забрать свою девочку, а Вера осталась на кухне делать салат. Уходя, Чеда сказал Мики, что заглянет к нему в церковь посоветоваться обо всем, что касалось его нового проекта, и попросил священника сохранять для него все поминальные записки, подаваемые прихожанами – ведь не все помещают объявления об умерших родственниках в газетах.

– Негоже нам сейчас долго валяться в постели. Конец близится, отче! Близится экзамен любви! – обронил долговязый Чеда уже на лестнице. С этими словами художник забросил свой длинный хвост завязанных волос за плечо и с напускной церемонностью последовал вниз, за Звезданой. Та лишь слегка обернулась, чтобы показать свои презрительно надутые губки. А вернее, для того, чтобы еще раз, издалека, продемонстрировать, как ей идет ее новое приобретение – пончо, пошитое из пиротского ковра.

Едва проводив гостей, Мики открыл ящик комода и извлек оттуда потертую перевязанную коробку.

В своем вечном беге трубочист с ее крышки больше не казался священнику опасным – скорее, каким-то грустным и усталым. Внезапно Мики ощутил сильное желание посмотреть, что находится в этой коробке, и только потом отнести ее в церковь. Но дети уже затоптали по лестнице, и Мики поспешил вскочить на стул, чтобы убрать коробку в надежное место – высоко на книжную полку. Ему было отлично известно, какой ущерб способны причинить дети. Один видеопроектор он трижды носил в ремонт.

Несмотря на твердое намерение осмотреть содержимое коробки после обеда, отец Михаило, наевшись досыта, опять позабыл и о Дорогом Дьяволе, и о его бумагах. Он повалился на софу и заснул как убитый.

* * *

Тревожная сирена завывала в обычное время, где-то после девяти часов вечера. Знак, что первая волна самолетов вторглась в воздушное пространство Сербии.

Дети почистили зубы и улеглись спать. Мики с Верой уселись у телевизора смотреть фильм о том, как марсиане уничтожают Америку и остальной мир, но в конечном итоге проигрывают войну с землянами. В последней битве особенно отличился американский президент, управлявший одним из самолетов.

Если показанное в фильме разрушение Нью-Йорка и Вашингтона было настоящим балластом на души подвергавшихся бомбежкам православных, то Мистер Президент в самолете настроение подпортил. Уснувшая попадья копировала дочку. Имитируя тошноту, она совала пальцы в рот. Как Анджелия, когда ей что-то не нравилось.

Фильм ни разу не прервали новости о бомбардировках. Не слышалось взрывов и в городе. Но металлические стержневые все еще кружили высоко над Сербией, высматривая цели.

Фильм закончился за полночь. Вера удалилась спать, а Мики остался, решив еще немного посмотреть телевизор.

Около половины второго, так и не дождавшись ни взрывов, ни новостей о бомбардировках, священник встал – немного размять ноги. Он подошел к окну, чтобы выкурить сигарету на свежем воздухе.

Напротив, облокотившись на подоконник, курил свою ночную сигарету (Бог знает, какую по счету) сосед Чомбе. Он и Мики дольше всех бодрствовали по ночам и частенько через улицу обменивались самыми свежими известиями, которые им удавалось узнать. Как активист национально-ориентированной партии, Чомбе первым в округе получал по телефону информацию о том, что происходит.

– Не теряют зря времени, скоты, чтоб им пусто было! Сегодня вечером тоже, небось, издырявили все свои разведкарты. Они же должны выработать норму, – прогромычал через узкую улицу своим надтреснутым голосом Чомбе. Ночь стояла тихая, каждое слово слышалось отчетливо, и повышать голос не было нужды. – Мои говорят, что основные бомбежки будут на Троицу и Духов день. Тогда и в церкви будут метить. Так что будь осторожен, сосед! Мой тебе совет – пропусти службу. Seriously.

Как национально сознательный активист, Чомбе на словах сильно беспокоился о храмах и сохранении православия. Но Мики не помнил, чтобы хоть раз видел его в церкви. «Сербия, должно быть, уже десятилетиями страшится бомбардировок церквей, потому-то так редко и ходят на литургию», – подумал священник не без некоторой злобы, однако соседу ничего не сказал. Откашлявшись, он загасил лишь наполовину выкуренную сигарету и вернулся к телевизору.

На экране мелькали опостылевшие пейзажи. Мики схватил газету. Но и в ней не осталось ничего интересного, что бы он уже не прочитал. Священник отложил газету и прилег на софу, размышляя о том, почему он так и не полюбил рыбалку. А ведь как было бы здорово время от времени выбираться на реку и наслаждаться там жизнью в унисон с ритмом природы, а не загнивать в городской квартире, как в какой-то клетке для бройлеров. Однажды друзья взяли его с собой на утреннюю рыбалку, и ему там очень понравилось. Кто не испытал умиротворение, охватывающее человека у реки, тот вообще не представляет себе, что такое подлинное умиротворение. Действительно, на той рыбалке Мики настолько успокоился душой, что заснул на складном походном стульчике и чуть не упал в воду.

Припоминая веселые эпизоды той поездки, священник тихо рассмеялся, а затем запихал палец в ноздрю – прочистить нос. (В носу всегда есть что-либо недосыгаемое.) А выковыряв

из носа все, что только можно было, Мики глубоко и почти с удовольствием вдохнул воздух. Затем медленно обвел взглядом комнату и тут вспомнил о коробке из-под рубашки.

Мики встал на стул и снял с книжной полки коробку.

«Вроде бы немного отдает плесенью», – подумал он, опуская наследство Дорогого Дьявола на столик.

Перед тем как Мики открыл коробку, его охватил странный, торжественный настрой. Священник расчистил стол, убрал газеты и детские картинки. Погасил верхний свет и зажег торшер с огромным абажуром наподобие тех, что были в большой моде в шестидесятые годы.

Присев на софу, Мики закурил новую сигарету и не спеша развязал шпагат.

В коробке хранилась уйма бумаг разной текстуры и величины. А на самом верху лежала очень тоненькая дощечка, надтреснутая посередине. Отполированное дерево, со странными вырезанными буквами и с одного края словно надгрызенное червоточинной, слегка крошилось. На бумагах было много плесени.

Мики аккуратно взял дощечку и переложил ее на стол. Потом, следя за тем, как бы ничего не повредить, просмотрел бумаги. Не доставая их из коробки. Листы старинной грубой бумаги были исписаны, скорее всего, гусиным пером. В коробке лежало даже несколько пергаментов! По их верхней кромке были обозначены даты. 1876-й год... 6947-й год – очевидно, по старому летосчислению, от сотворения мира. Так велось счисление лет в Средние века, значит, это 1737-й год!.. Больше всего было не датированных, судя по всему, более новых бумаг с голубоватым высоким каролингским минускулом⁵ и красными горизонтальными линиями по верхней и нижней кромке. Эти листы, явно вырванные из какой-то большой старой тетради, были исписаны обычной ручкой. Почерк на них был тот же.

Мики совсем расхотелось спать. Он сразу же понял, что перед ним подлинное сокровище. Всё указывало на то, что в коробке хранились бесценные исторические документы. И Мики немного испугался. Бремя ответственности, которую он так легкомысленно взял на себя, легло ему на плечи и придавило так сильно, что он даже закашлялся. Мики затушил сигарету.

Перекрестился и снова взял в руки дощечку.

Короткий текст, вырезанный на дереве, являл собой причудливую смесь правильно написанных латинских и сербских слов, написанных по правилам старой орфографии. Без некоторых букв и значков, введенных только в девятнадцатом веке, и со знаками для полугласных и смягчения согласных.

---

⁵ Один из типов средневекового письма с четкими свободно поставленными буквами латиницы.

II. Трикорния

Трикорния, апрельские ноны, пятнадцатый год правления императора Траяна

Мы прошли первое препятствие. Недалеко от крепости Трикорния нас остановили два стражника. Мрачные кельтские резак в кольчугах и униформе римских воинов. Из Легии четвертой Флавии. На самом деле стражников было трое. Один появился лишь в самом конце с позеленевшим лицом. Судя по всему, он из-за проблем с животом некоторое время провел в лесу.

Ничего хорошего встреча с ними нам не сулила. Я только понял, что одетые в кольчуги косматые воины заподозрили, будто мы – беглые рабы. Они никогда не слышали о сербах. Быть может, мы и есть беглые рабы – это как посмотреть.

К счастью, наш таинственный проводник и переводчик, Гермо, по пути подобрал одного потерявшегося вола. Им он в конечном итоге и подкупил стражников. Впрочем, к счастью ли? Гермо, похоже, знает гораздо больше, чем мы можем догадываться. Как бы там ни было, вол был принесен в жертву, и мы прошли.

Первый раз спустя столько времени я ощущаю себя свободным.

Рассветы у Дуная необыкновенно красивы.

Прочитав надпись, Мики долго держал в руке дощечку, скользя пальцами по зарезам подобно слепцу, различающему буквы прикосновением. Дощечка была темная и отполированная, без сомнения – очень старая. Но откуда в тексте, датированном сотым с небольшим годом от Рождества Христова, кириллические буквы и сербские слова? Орфография старая, но так писали каких-то двести лет назад, а язык еще более современный. И близко не походит на торжественную, застывшую речь документов, публикуемых в исторических книгах, которые Мики раньше имел привычку почитать.

Да еще и тот римский воин с расстроившимся животом! С чего бы он тут? Такое впечатление, что он скакнул в исторический документ напрямик из отхожего места какого-то кабака. Если бы все это было написано на салфетке, тогда да. Но ведь текст вырезан на дощечке!

И где вообще находится та Трикорния, выписанная латинским минускулом? У Дуная?

Может, это просто напроказничал какой-нибудь шутник, Доситеев писец? Или, судя по языку, Драги Джавол ради забавы фальсифицировал исторические документы? Все эти вопросы с быстрой скоростью прокручивались в голове растерянного священника, оставаясь без ответа.

Мики отложил дощечку и пролистал бумаги в коробке. Если допустить, что это писал Драги Джавол, то где он тогда раздобыл старинную бумагу, которая уже точно нигде не производится? Тем более – пергамент? Если бы Мики сейчас отнес коробку в музей, то тамошние специалисты наверняка смогли бы установить, идет ли речь о фальсификации или нет. Но опять же, имеет ли он право так поступить?

Мики взял лежавшие на самом вершине стопки бумаги с высоким короллинским письмом. На них имелись примечания касаясь надписи на дощечке. Похоже, эти примечания писал господин Драги. Старик озвучил почти все вопросы, вертевшиеся сейчас в голове Мики. И в основном ответил на них.

В краткой заметке, написанной в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году, речь шла о проверке подлинности дощечки у какого-то реставратора Симеона. Господин Симеон решительно, даже с некоторым презрением, отверг предположение о древности дощечки, но затем,

когда Драги взял ее и направился к выходу, все же признался ему, что дощечка выглядит очень древней: ей, может, и правда уже две тысячи лет, как написано. Чтобы разрешить сомнения, Симеон предложил Дорогому Дьяволу оставить ему дощечку на какое-то время. Тогда он смог бы отнести ее одному своему знакомому, а тот бы провел дополнительные анализы.

«Я не сумасшедший, чтобы ему ее оставлять! Получил бы я ее тогда после дождика в четверг! Как у него глазки-то блестели, когда он ее разглядывал! Притом врал мне прямо в лицо. Как будто я непроходимый дурак. Ходят слухи, будто Сима Итальянец, как его кличут в округе, продает краденые иконы. А глянешь на его квартиру, сразу становится ясно, что в тех слухах есть доля истины», – записал Драги.

Было и еще несколько комментариев и пометок, которые Драги делал, пока изучал литературу, касающуюся периода, связанного с надписью на дощечке. Прежде всего, ценность для новоиспеченного исследователя представляло указание на местонахождение некогда кельтской, а позднее римской крепости Трикорния на территории современного Ритопека, недалеко от Белграда, на пути в Гроцку. Мики медленно пролистал заметки о датировке надписи. Господин Драги явно был серьезным исследователем. Апрельские ноны соответствуют 5 апреля современного календаря, и именно в тот день отмечался праздник в честь римской богини счастливой судьбы, Фортуны. Император Траян пришел к власти в 98 году от Рождества Христова. Так что дата, фигурирующая в названии документа, на самом деле 113-й год – а это чуть позже войн с дакийцами и завоевания Дакии.

Один из листков был озаглавлен «Римские дороги».

«Римляне относятся к их строительству очень серьезно. С самого начала, с момента определения маршрута. Идеальной у них считается совершенно прямая дорога, без множества загибов. Это так трогательно.

Они думают, будто бы точно знают, куда направляются, и тогда просто прокладывают как можно более прямую линию к своей цели. А все дороги ведут в Рим! Ха-ха!» Слова о том, что все дороги ведут в Рим, и «ха!» были подчеркнуты дважды. Мики почти что слышал необычный, похожий на откашливание, смех Дорогого Дьявола.

«Проложив эту свою прямую линию, они начинают копать землю. До твердой подстилки. По ширине немного большей, чем будущая дорога. И наваливают вырытую землю по сторонам.

Так что по краям дороги получаются глубокие канавы – чтобы в них стекала вода с дороги.

Потому-то и сама дорога оказывается немного приподнятой в середине.

Строительство самой дороги сродни приготовлению слоеного пирога. Сначала насыпается слой битого камня, должного обеспечить хороший дренаж, толщиной примерно с полметра. Затем идет слой мелкого гравия или песка, перемешанного с глиной, такой же толщины, иногда со штукатуркой. Он кладется ровно – как начинка на корж пирога, а затем замащивается каменными плитами толщиной с десяток сантиметров, лучше всего из гранита или базальта.

Плиты покрытия могут высекаться правильной или неправильной формы, но подгоняются друг под друга, почти впритык. Конструкция простая, а служит сотни лет. Для римлян – вечность.

Римская дорога – «мать» всем дорогам. Архетип.

Я годами занимаюсь дорогами. Для кого я их только не строил. Но ни об одной дороге, которую я проложил, я не могу сказать, что это – моя дорога. Похоже, человек и не может проложить дорогу для себя. Он может только строить дороги для других. Свой путь ты не прокладываешь, а находишь. Или скажем так: свободно выбираешь, как путешествовать по проложенным не тобой дорогам».

Конец записи.

«Выходит, старик до пенсии был строителем, – подумал Мики. – Я и не знал». В действительности он почти ничего не знал о старом соседе, взвалившем на него неожиданное бремя.

III. Бомбы

Бодрствующий, как будто был еще полдень, а не половина третьего ночи, Мики снова взял дощечку в руки и стал пристально в нее вглядываться. Словно ждал, что дощечка заговорит. В отличие от упрямых материалистов, верующий человек, к тому же священник, оставляет в своем уме довольно места для возможных чудес.

А затем бабахнуло! Сильный взрыв, от которого задрожал пол и угрожающе зазвенели окна, согнал отца Михаила с софы. Он бросил дощечку и что есть духу помчался к детской комнате. Стекла в окнах еще содрогались, а тапочки Мики заплелись, и он, пошатнувшись, ударился плечом о дверной косяк. Выпрямился и скорее взломал, нежели открыл дверь. В прихожей Мики столкнулся с попадьею, помятой от сна.

Когда они без слов, подталкивая друг друга, влетели в детскую комнату, глазам их предстала умиротворяющая картина. Ангелочки спали. Как будто ничего не произошло. Стекла в окнах перестали дребезжать. Все предметы в комнате оставались на своих местах. Кроме чемодана, который упал на пол с высокого шкафа.

В полумраке, под бой сердец, стучавших как хиландарские колокола, поп с попадьею переглянулись.

Попадья Вера, смертельно серьезная, громко обругала *их идиотскую мать*, глубоко вздохнула и, поправляя длинные вьющиеся волосы, двинулась к кровати – проверить, хорошо ли укрыты дети.

Послышались еще два сильных взрыва, правда, уже в отдалении. Постояв какое-то время с наостренными ушами, чтобы понять, ждать ли им более близких ударов, поп с попадьею тихо вышли из комнаты. Попадья затворила за собой дверь.

– А первый-то раз гроыхнуло близко! – вздохнул Мики и зажег свет в прихожей.

На старом паркете, покрытом лаком еще в восьмидесятые годы, под лучами света встревоженно засуетились два таракана-прусака. Мики показал на них пальцем, как на чрезвычайно позорный факт.

– Ты только глянь!

Попадья, всегда побаивавшаяся этих противных толстых насекомых, подскочила, как первобытный охотник, схватила мужнин черный ботинок и с остервенением начала стучать им по полу. Меньший по величине таракан добрался до стены и шмыгнул за полку. А вот больший по размеру прусак пострадал героически. Размазался по полу, как растоптанная шоколадка.

– Фу, гадость, – привстала попадья, содрогнувшись от своего же поступка. – Убери это ты, пожалуйста. Я, правда, не могу.

Ни слова не сказав, Мики оторвал кусок газеты, лежавшей на полке, собрал с пола следы кровавого побоища и бросил их в унитаз.

Когда он вернулся в комнату, попадья в короткой ночной рубашке без рукавов стояла, облокотившись о подоконник, и разговаривала с кем-то с улицы. Мики подошел к окну посмотреть – с кем именно его жена позволяет себе общаться в таком непристойном виде.

– ...скоты вонючие, видал я в гробу их смрадную мамашу... извини, соседка. Сосед, вы слышали? – обратился Чомбе к Мики, высунувшемуся из окна рядом с женой.

– Нет, что?

– Они сбросили бомбу на больницу, мать их фашистскую!.. Смрадную курву!.. Извини, соседка!

Захотелось выругаться и Мики, но он прикусил язык. Он действительно хотел вести себя так, как подобает настоящему священнику, во всех ситуациях без исключения.

– Откуда известно?

– Да мои дали знать, – из-за высокой степени близости к источнику информации слова Чомбе прозвучали одновременно и горделиво, и презрительно. Активист имел в виду своих собратьев по партии, которые, как и он, все ночи напролет проводили у окон на телефонах с удлинителями. Чуть что случалось, они набирали первые пять-шесть номеров из своей записной книжки, а те обзванивали пять-шесть других абонентов, и в результате за пятнадцать минут весь город узнавал о том, что и где произошло. В городе за время бомбардировок спонтанно сложился целый ряд таких чрезвычайно эффективных информационных сетей, а активисты из партии Чомбе входили в число самых расторопных оповестителей. Впрочем, народная мудрость гласит: «Поспешишь, людей насмешишь». И сведения Чомбе частенько оказывались, мягко выражаясь, неточными.

Теща себя надеждой, что и на этот раз вышла ошибка, Мики вернулся обратно в комнату и включил телевизор, решив дождаться хоть сколько-нибудь проверенной информации. Зевающая Вера подошла к софе и уселась рядом с мужем.

– Что-то мне расхотелось спать, – попадья увидела открытую коробку на столе: – Это та, от нашего соседа? Ты все же посмел сунуть нос в эту коробку? Да, носатый? – Вера с нежностью погладила мужа по затылку.

Едва попадья положила ему руку на голову, Мики вспомнил про дощечку. Он соскочил с софы и принялся елозить по полу.

– Мики, ты что? – тихо расхохоталась попадья. Вера понадеялась, что муж после долгого времени заметил-таки, что она – женщина, да не какая-нибудь, а очень даже породистая.

Мики приближался к ней на коленях. «Бомбардировка ведь... и...» – скорее порядка ради Вера хотела добавить «пост, Мики». Хотя Пасха прошла, ощущение поста у попадья из-за бомбардировок растянулось, а владыка в отношении таких вещей был строг и неумолим. Сколько раз случалось, что упрямый старик, пока все остальные в священнических семьях радовались новорожденным, проверял по календарю, как бы дети случайно не оказались зачаты во время поста. Бывали даже случаи, что у некоторых священников возникали серьезные проблемы.

Вообще, владыка придавал большое значение посту. Очень маленький и худой, он в плане соблюдения постов резонно не доверял своим священникам: вес многих из них переваливал за сто килограммов. Более пожилые священники рассказывали, что в самом начале управления епархией владыка завел странный обычай – измерять вес священников из своего окружения в начале и в конце Великого поста. Таким способом он надеялся определить, кто и как именно постился. И когда бедные священники оставались одни, без верующих, они всю брюзжали на владыку и нахвалялись других, нормальных архиереев, имевших более понятные пристрастия – роскошно обустроенные епископальные подворья, дорогие автомобили, итальянские ботинки или, на худой счет, рыболовные снасти.

Несмотря на то что постился он регулярно, Мики все же радовался тому, что ему никогда не придется вставать на епископские весы. Такая проверка казалась ему немного оскорбительной. Касаемо всего остального он не вызывал у владыки сомнений. Мики не был ни чересчур худым, ни слишком толстым. Да и вообще, он относился к числу людей, не имеющих характерных особенностей. Таких другие люди едва замечают. К примеру, если Мики ехал в автобусе не облаченным в рясу, ему обязательно кто-нибудь наступал на ногу. Даже если автобус был полупустой.

Хотя пост прошел, Мики не приходило в голову изведать благодать скоромной пищи. Он нашел дощечку – на полу под столиком. Разломанную пополам! «Наверное, она разломилась, когда я ее после взрыва бросил на пол!» – подумал Мики. Он медленно поднялся на софу, держа в руках две половинки ценной вещицы, которую не сумел сохранить.

– Ой! – искренне обеспокоилась попадья. – Что, разломалась?

Если бы Мики был один, его бы охватила грусть из-за бренности мира в целом и ценной вещицы в частности. А так его начала одолевать злоба.

– Старый угрюмец может опасно рассердиться. Сам знаешь, каковы старики. И из-за мелочи... – продолжила Вера.

– И что мне прикажешь делать? – неожиданно сорвался на крик Мики. – Повеситься? Ну так вышло! И что?

Вера растерянно посмотрела на мужа.

– Да ничего, Мики. Что ты орешь из-за пустяка?

– Я вовсе не ору, – откликнулся покрасневший священник, тем не менее, не понизив тона.

Он нервно вернул половинки дощечки в коробку, бросив поверх них те самые листы с высоким каролингским письмом, что читал непосредственно перед взрывом. А пока он накрывал коробку крышкой, Вера взяла пульт дистанционного управления и повысила звук телевизора.

– Помолчи, вот говорят о бомбежке!

Усталый и немного нетрезвый диктор, обычно сообщающий самые печальные вести, подтвердил, что под обстрел попала больница на холме и имеются жертвы. Сколько – на тот момент еще точно известно не было. Группы спасателей уже работали на территории больницы.

И поп, и попадья заметили, что из пиджака диктора с явно заплетающимся языком так и норовил вылезти бордовый галстук. Извиваясь, как змея.

* * *

Отец Михаило не был суеверен, как и приличествует образованному православному священнику. Однако известие о том, что в десяток жертв ракетного удара по сердечному отделению больницы попал и Драги Джавол, кроме грусти вызвало в нем настоящий вихрь различных вопросов и сомнений. Многие моменты из разговора с теперь уже покойным стариком приобрели совершенно иной смысл.

Весь вечер накануне похорон Дорогого Дьявола Мики размышлял над тем, что покойный сосед в действительности знал, что погибнет во время бомбежки. На это он и намекал священнику, потому-то и принес ему коробку, попросив Мики отнести ее в церковь, чтобы не пострадали все люди в здании. А Мики заподозрил соседа в старческом слабоумии. И не отнес коробку. К счастью, похоже было на то, что одна из так называемых «умных» ракет, как бы это чудно ни звучало, отслеживала не коробку, а Дорогого Дьявола.

«А ведь загадочная дощечка с надписью времен императора Траяна разломалась как раз в момент смерти старика», – раздумывал смятенный священник.

Для любого, кто верит в случай – такое совпадение многое значит. А тем более – для человека, который открыт для духовного роста.

В больнице старик, который кроме сына, давно потерявшегося где-то за границей, похоже, не имел никого близкого, указал имя и адрес отца Михаила. О смерти соседа сообщили по телефону Вере, пока Мики ходил в магазин. Драги Джавол был его прихожанином, так что и отпевание надлежало отправить Мики.

Похоронив свыше десятка людей, человек перестает быть слишком чувствительным. Православному священнику – хоть со слабой, хоть с крепкой верой в воскресение – бывает тяжело погребать ребенка или человека, умершего в расцвете лет, того, кто своим уходом сделал несчастными своих родителей, родных и друзей. Но похороны стариков, тем более таких, кому под девяносто, легко превращаются в рутину.

Обычно священников в таких случаях волнуют только чисто технические, профессиональные детали – как бы не позабыть имя покойника, как бы не вышло путаницы при заказе

отпевания, как бы взять оплату после прочитанных молитв как можно безболезненней для убитых горем людей.

Однако в этот раз отца Михаила обуяли предчувствия, что при погребении Дорогого Дьявола произойдет нечто необычное, а может, и страшное.

Хотя его первым порывом было отделаться от опасной коробки, священник, еще недавно словно пребывавший в летаргическом сне, ощутил сильное желание продолжить ознакомление с ее необычным содержимым. Он призвал на помощь всю свою логику, чтобы убедить себя в одном: даже если кто и убил Дорогого Дьявола намеренно, то ему – человеку, который действительно ничего не знает – настоящая опасность угрожать не может. Жене он еще так ничего и не рассказал ни о вероятной огромной ценности документов, собранных стариком, ни о возможной опасности, которую несла близость коробки из-под рубашки загребской фирмы ДТР. Несмотря на то что у Мики тайн от Веры почти не было, сейчас он совсем не желал нагружать ее своими преждевременными выводами. Священник хотел пока просмотреть всё один. С нетерпением ожидал он прихода ночи. Чтобы все улеглись спать и в доме воцарилась тишина.

Вечером по телевизору был новый поток пиратских фильмов, шел даже хороший голливудский фильм с известным актером. Что-то вроде «Идиота», только в американской версии. Но Мики никак не мог сосредоточиться на действии фильма. Он все время помышлял о продолжении своего исследования. Точно как в детстве – когда он ждал, когда заснут родители, чтобы под стеганым одеялом включить фонарик на батарейке и с увлечением почитать пятую или шестую книгу приключений вора-джентльмена Фантомаса.

Когда, наконец, подошел час укладываться спать, Мики, как обычно, пробурчал себе под нос, что пободрствует еще немного. Ведь это снобизм чистой воды – не проследить за самыми интересными событиями в мире, которые на этот раз происходят с сербами.

А уже сонная Вера, как обычно, пробормотала, что рано утром ее разбудят дети. Она встала и нагнулась, чтобы поцеловать мужа. Платье, запахнутое на полных грудях, чуть разошлось. Мики губами едва скользнул по жениным губам и покосился на телевизор. Не отказываясь от попытки его соблазнить, довольно крупная Вера медленно и пленительно томно, покачивая бедрами, проследовала в ванную. Точь-в-точь, как это делали женщины в фильмах, которые они с мужем вместе смотрели из ночи в ночь.

Только из-за того, что попадая все никак не ложилась, Мики делал вид, будто внимательно слушает полночные политические комментарии. По телевизору выступил и известный белый маг, который спокойным голосом, не прерываясь ни на секунду, процедил весьма надуманные проклятия врагам и злодеям. Показали и репортаж со встречи каких-то «йогов-летчиков», которые готовились силой своего разума уничтожить американские и британские самолеты просто потому, что им уже все надоело.

Вернувшись в комнату уже в ночной рубашке, просвечивавшей на свету в прихожей, Вера перед тем, как лечь, еще раз поцеловала мужа. Немного разочарованная его равнодушием, попадая удалилась в спальню и прикрыла за собой дверь.

Мики обождал ровно столько, сколько горит одна сигарета. Затушил окурок и опустил коробку на столик.

Он вновь внимательно прочитал надпись на дощечке, крепко прижимая ее раздвоенные половинки друг к другу и втайне надеясь, что они срастутся. Но сила его разума уступала таковой йогов-летчиков. И в конечном итоге Мики сдался и отложил поломанную дощечку в сторону. Затем убрал бумаги с высоким каролингским письмом и перешел к следующему документу.

IV. Гроцка

Гроцка, второй день Пасхи, год 1876-й

Мне вовсе не хочется умирать, но, быть может, самое лучшее для меня – это отправиться на войну. Война мне отвратительна. Не знаю, что для меня хуже – что кто-нибудь убьет меня или что я кого-нибудь убью. Подумать только – всю оставшуюся жизнь ты будешь помнить последний взгляд человека, которого ты убил. А с другой стороны – если ты мужчина – как же потом жить с воспоминаниями обо всех убитых, для защиты которых ты не сделал ничего.

Сегодня вечером мне пришлось послушаться столько рассказов о беженцах, женщинах и детях, умирающих в горах Герцеговины, столько историй о пережитых страданиях, что сейчас я не могу заснуть. Так сердце сдавило, что только слезы помогли мне не задохнуться.

Не желая, чтобы меня кто-нибудь увидел, я вышел в заросший сорняками двор позади трактира и выплакался там за все те годы, за которые я прежде не пролил ни слезинки. Мне стыдно за себя – такого, как я есть. Я эгоистичен и избалован, я беспокоюсь о собственной смерти и остаюсь равнодушным к жизни других.

Если поразмыслить хорошенько, рвота и плач издавна были для меня худшим кошмаром, и я всегда старался их избежать. Даже когда напиваюсь вусмерть, я предпочитаю часами бороться с кружащейся вселенной, а не облегчать свое состояние рвотой.

Вот, глянул на себя в зеркало над столиком с бокалом и тазиком для умывания. Да... опух так, будто меня рвало.

Счастье, что свет свечи довольно тусклый, да и объяснять я никому и ничего не должен. Герман и Мими уже уснули, так что я могу писать.

Прибыли мы сюда с грязными, намозоленными ногами, усталые как собаки. Пока мы спускались к городку, пастухи и редкие виноградари смотрели на нас, как на костюмированных призраков, но у трактира нас встретили и отвели в комнаты. Мужскую и женскую. У них не было ни малейших сомнений в том, что мы – актеры из Белграда, с которыми некий Сима договорился, что они приедут и дадут патриотический спектакль. Мы не пытались их разубедить. Мы были уставшие и голодные. Вряд ли та настоящая актерская труппа, которую здесь ждут, прибудет завтра с зарей.

Едва мы помылись и переоделись в старые штаны и рубашки, принесенные нам по нашей просьбе, как нас, мужчин, позвали в трактир. Освежиться. Герман в белой рубашке и с поясом, тканым узорочьем, показался мне смешным и в то же время необычайно торжественным. Он нам все время твердит, что нужно продолжать путь. Понемногу я начинаю верить, что нас в Царьграде действительно ожидает то, что обещает нам Герман – а иначе как бы мы оказались здесь? Я опять не могу задержаться здесь на немного. Разве это незадача в пути – задача, которую надо решить?

Через три дня мы должны показать патриотический спектакль, призванный собрать помощь для братьев в Герцеговине и привлечь больше добровольцев.

Вначале я попытался отнестись к неожиданно возникшему делу профессионально. Я расспрашивал о сцене, на которой нам предстояло играть, и количестве зрителей, но местные – в основном мелкие торговцы и сельские домовладельцы – словно не слышали моих неоднократно повторяемых вопросов. Из-за того ли, что им пришлось нас одевать и они воспринимали нас, как бедных бродячих актеров, или из-за чего другого... Иногда мне хочется хотя бы немного почувствовать себя хозяином положения. Как эти местные с творожистыми рылами и толстыми руками. Они тут обсуждали мучительную ситуацию, в которую нас завели немцы

и русские. И постоянно нас предостерегают, чтобы мы не шутили, что начнем войну против Турции, а из Герцеговины и Боснии доносятся лишь крики о помощи. Австрия намеревается наложить лапу на все наше за Дриной, а русские нас тайно поддерживают, но запрещают нам вмешиваться. Говорят, что там в России и престолонаследник стал на сторону славянофилов, и общество готовится нам помочь, но в действительности русские нас почти никак не отстаивают перед остальной Европой. Греки тоже чего-то юлят. И хотели бы с нами и не хотели бы. Им не приходит в голову прочувствовать себя обязанными договором, который мы подписали десять лет назад. Говорят, что Милутин Гарашанин, который вообще-то родом отсюда, из Гроцке, был недавно в Греции, и кроме красивых слов там искать нечего.

А народ страдает. Рассказывают об одном селе под Чемерным. Ища убежища от турок, выжигающих перед собой буквально все, его жители раскопали могилы и унесли с собой своих мертвецов, чтобы их турки не осквернили. И сейчас они в горах. Все. И мужчины, и старики, и женщины, и дети, и их умершие предки...

Это невозможно выдержать. По всему выходит, что для нас пробил решающий час – быть или не быть. Турок сорок миллионов, а нас только полтора. Опять же нас Запад держит в узде, как будто только из-за нас Европа может понести ущерб.

Никто здесь не сомневается в том, что войне быть. Настрой у всех мрачно решительный – пусть закончится то, что должно закончиться. В пух и прах изругали князя Милана и его нерешительную политику, его бесконечные сетования и невесту-молдаванку, которая ему запудрила мозги и проела плешь. Досталось и нерешительному противнику Милана, грочанину Милутину, сыну Илии Гарашанина.

Громче всех ругается Чолак, лысый и усатый торговец, имеющий отношение к основанию первой станции Паробродского общества в Гроцке.

– Покойный дед Милутин проблемы решал топором, а этот и пером не может уколоть, как надо! Не говоря уже о другом! – С красным лицом, с выпученными голубыми глазами, Чолак постоянно кричит, одновременно и малость забавляя присутствующих, и немного подогревая без того нервную атмосферу. – Консерваторы начнут воевать, но только после того, как турки подпишут капитуляцию. Когда останутся только турчанки, чтобы сражаться. Отряды тяжелых деревянных сандалий!

Глупость стычек между либералами и консерваторами, раздутая опасность от коммунаров Крагуевца и все остальные злосчастные сербские политические неурядицы под вино не становятся более радужными. Боюсь, как бы раньше радости победы или горечи поражения нам не пришлось испытать отвращение и стыд. Возможно, война действительно – единственное решение, тем более уж если брать в расчет наше горемычное политическое положение. Может, мы должны воевать не ради себя, жалких потомков рода, или тех несчастных беженцев, что хоронятся в суровых пристанищах. Может, война – это, прежде всего, наш долг перед предками, которые столько выстрадали, чтобы нас хоть как-то уберечь. Может, мы не осознаем, что, думая лишь о своих задницах, мы как бы плюем на тех, кто больше не может себя защищать. А ведь они, вероятно, воевали не только ради того, чтобы мы могли есть ягнятину и пить вино!

Свеча догорает, а я не знаю, где в такой час найти другую.

У меня никак не выходят из головы те покойники беженцев из Герцеговины. Есть ли вообще у тех несчастных сундуки или ящики? Или они таскают с собой кости, завернув их в тряпки?

Вина мы выпили достаточно, даже по нашим «актерским» понятиям. Превосходного красного вина. Все местные дружно нас уверяли, что это знаменитое грочанское вино. И постоянно нам его подливали, неизменно приговаривая: «Уж мы-то знаем, как вы, актеры, пьете!»

Откуда-то появились цыгане и заиграли турецкую музыку. Меня охватила страшная печаль. Когда сербы слышат такую музыку, они ведут себя как безумцы. Плачут и смеются. Кое-кто из присутствовавших начал даже кричать и махать руками, а Стевча, преисполненный

достоинства квадратный верзила родом из Боснии, переселившийся сюда из Баната, словно одеревенел и только стучал стаканом по столу.

В неправильном ритме турецкой музыки. Выглядело довольно жутко. Как турецкая смерть.

А потом все начали произносить здравицы. За братьев повстанцев, за предводителя партизанского отряда Пеку Павловича... Кто-то, плавая в реке вина, произнес тост и в честь Петра Караджорджевича, командира отряда в Боснии, и люди запаниковали, как бы не заявили полицейские и не погнались бы нас.

– Эй, люди, не время нам сейчас разделяться! Доколе нам быть разобщенными! Доколе! – раскричался на грани нервного срыва паромщик Раткович из Брестовика, махая ягнячьей лопаткой. Его едва успокоили.

Сегодня вечером я пережил что-то вроде посвящения. Никогда не любил гусли, но, когда после настойчивых уговоров усатый Чолак взял в руки примитивный смычок⁶ и несколько человек из трактира повытаскивали пистолеты, чтобы поубивать цыган, не понявших, что от них требуется сразу же замолкнуть и исчезнуть, а потом воцарилась страшная тишина, мое сердце сжалось в ожидании.

Даже в театре перед спектаклями я никогда не ощущал такой тишины. И в зале с самой торжественной атмосферой кто-нибудь да кашляет или скрипнет кресло. Да что там в театре! На похоронах и то не бывает такой тишины. Казалось, все даже дыхание затаили! Голова моя кружилась от вина. Мне вдруг вспомнилось, как меня ребенком водили в театр, предварительно проведя большую воспитательную работу на тему того, как я должен себя там вести. А я спрашивал: «А дышать мне там можно?» Сейчас этот вопрос был бы совершенно уместен. На меня никто не цыкал, но я сам боялся нарушить эту священную тишину. Пока Чолак, натягивая струну, возился с колком, лица людей рядом со мной вдруг застыли – посветлевшие и постаревшие, как из камня на солнце.

А затем Чолак заиграл.

Уже первые звуки раскололи трактир на две части. В одной половине остался пучеглазый усач, а мы, все остальные, застыв, изо всех сил старались не оторваться от него и не полететь по Сербии с воронами из его песни.

Стоило Чолаку странно изменившимся, разрывающим небо голосом, словно изливавшимся не с его уст, а со лба над носом, пропеть первые стихи, как я почувствовал, что швы на моем черепе ослабевают, а сердце расширяется и воплощается в... Сербию. Смейтесь, если вам угодно.

Я должен заканчивать. Пламя свечи уже мерцает, и я вижу все хуже.

И все равно, глазами черного ворона я все еще вижу Авалу над Белградом, бурные воды Моравы и равнинное Драгачево, купола церкви Неманича, хрупкий старый Влах, скалистую Ужицкую область, каменистую Боснию, сербских невольников и героев, знамена крестоносцев, сверкающее оружие... Если я этого застыжусь, то опять стану маленьким и... умру. Потому и не иду спать, а предаюсь грезам.

Гроцка, третий день Пасхи, 1876

Актеры из Белграда все еще не появились. Герман настаивает, чтобы мы немедленно продолжили путешествие, но все остальные готовы испробовать свои актерские способности, тем более в постановке на патриотическую тему. Меня патриотический настрой просто обуял, и я убедил Германа, что задержка в несколько дней ни на что не повлияет. Свои размышления о войне я, конечно, от него скрываю.

---

⁶ Музыкальный инструмент.

Гроцка 1876 года – приятный белый городок с домами турок и моравских селян. Красивые дворики изобилуют плодами. В городке есть пристань на Дунае, с которой видны два острова на широкой излуине реки. Думаю, что ширина Дуная здесь, по меньшей мере, два километра. Может, чуть меньше.

Сегодня утром нам не дали долго поспать. Помятые хозяева пришли за нами, чтобы обсудить организацию грядущего культурного мероприятия. Вероятно, их жены направили. Одновременно с ними к нашим девушкам заглянули несколько активных горожанок. И опять зашел разговор о том, как замаранные кровью герцеговинские беги наставляют ножи на сербских женщин и детей.

Заводилой среди женщин – Стевчина жена, родом пречанка⁷.

В отличие от вчерашнего вечера, Стевча – «турецкая смерть», Чолак и вся остальная братия вдруг начали выказывать провинциальную угодливость: «Вы из большого города, лучше знаете, как надо...» – и все в таком духе. Возможно, с похмелья.

Они провели нас по городку. С особой гордостью парни показывали нам мельницу Гарашана – единственный промышленный объект в Гроцке. Нам пришлось с десятков минут разглядывать черный от копоти дымоход, усердно цокая языками и кивая головами.

Концепция культурного мероприятия проста.

Нужно отрывками и монологами из патриотических пьес разжалобить людей до слез. Будут и музыкальные номера, с которыми выступят какие-то «артисты из Смедерева». Проблема в том, что мы – «актеры» – практически ничего не знаем из патриотического репертуара. Дошло даже до небольшого конфуза. Но мы сумели успокоить местных, заверив их, что нам не составит никакого труда за три дня, до послезавтрашнего вечера, выучить те тексты, которые мы выберем вместе с ними.

Нам не хочется сделать работу кое-как. Для нас действительно не проблема – выучить несколько страниц текста. Мы отлично с этим справимся. Я вообще думаю, что такие вещи делаются, прежде всего, с душой. И никакого мудрствования. Это меня несколько радует.

Женщины на скорую руку приготовят нужные костюмы.

У Стевчи мы нашли несколько книг. «Горный венец»⁸, стихи Бранко⁹ и Джуры¹⁰, стихи и драмы Лазы Костица...¹¹ Стевча живет в красивом, хотя и несколько мрачноватом одноэтажном доме, полном ковров и ваз. Нас там угостили сливовым вареньем и кофе, а потом мы пошли к Апостоловичу – осмотреть библиотеку его младшего сына, который, как все считают, «любит читать». Дом Апостоловича самый красивый в этом местечке. Купил его у турок его дядя по отцу, Риста Апостол, еще лет двадцать назад. На втором этаже у него имеется открытая терраса, на которой мы под ракию и новую порцию кофе обождали, пока нам живой, юркий юноша не вынес подборку своих любимых патриотических книг. Затем мы вернулись в трактир – отобрать тексты и начать репетировать. Похоже, патриотический подъем охватил не всех нас в равной степени. Мне кажется, что Мими и Ю уже подумывают о как можно более скором возвращении. Им все уже приелось.

Что до меня, то я не знаю, где я окажусь, но назад дороги нет. Продолжу ли я свое невероятное путешествие с Германом в Царьград, или пойду на войну, или же... не знаю. Я уверен только в одном: возврата назад больше нет, и бегства тоже довольно. Хватит.

---

⁷ Жительница областей, лежащих к северу от Савы и Дуная.

⁸ Романтическая поэма владыки Черногории Петра II Петровича Негоша.

⁹ Бранко Радичевич (1824–1853) – сербский поэт-лирик, представитель сербского национального возрождения.

¹⁰ Джура Якшич (1832–1878) – сербский поэт и писатель, художник, драматург, патриот, ярчайший представитель сербского романтизма.

¹¹ Лаза Костиц (1841–1910) – сербский поэт, писатель, адвокат, философ, публицист и политик, один из ярчайших представителей сербской литературы.

Репетицию нам пришлось прервать ради первой примерки костюмов и обеда; перед обедом мы вышли на улицу немного размяться.

Недалеко от трактира, перед уездной канцелярией, мы стали свидетелями неприятной сцены.

Перед канцелярией стояли двое юношей в рединготах с узко скроенными плечами и один скромно одетый молодой сельчанин. Юноша с бледным удлинённым лицом, окаймлённым аккуратной бородкой, начал, как припадочный, кричать на малочисленных прохожих:

– Всеобщий позор! Всеобщий позор!

Явно много выпив до своего припадка, он гладко перешел от двухсловного заклятия к более сложной конструкции. Ее он обратил на нас:

– Ну что, богатеи? У вас настолько отяжелели кошельки, что не дают вам поспешить на помощь братьям! Пустили бежать перед собой этого толстого парижского бонвивана. Сына Марии Катаджи! Да еще и рукоплещете ему! Разве такому, как он, по силам создать новую Сербию? На пламени сербского восстания он зажигает себе венчальную свечку!

Я сообразил, что припадочный имеет в виду князя Милана.

Одеревенелые мужланы после каждой фразы кричали: «Так оно и есть!», а другому юноше явно было плохо от всего этого. А больше всего от вина. Он прислонился к стене.

Их главный заводила, с бородкой, опять обрушился на нас, угрожая «стереть нас с лица земли». Только пьяный мог принять нас за богатеев.

А затем он запел странную песню, которую двое его приятелей с готовностью подхватили. Похоже, они не слишком хорошо уловили мотив, но, как это ни странно, слова песни так звучали даже явственней. А текст был такой:

*Отречемся от старого мира!
Отряхнем его прах с наших ног!
Нам враждебны златые кумиры,
Ненавистен нам царский чертог!
Мы пойдем к нашим страждущим братьям,
Мы к голодному люду пойдем,
С ним пошлем мы злодеям проклятья —
На борьбу мы его позовем.
Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся, клич мести народной!
Вперед! Вперед! Вперед! Вперед!
Вперед!*

*Богачи-кулаки жадной сворой
Расхищают тяжёлый твой труд.
Твоим потом жиреют обжоры,
Твой последний кусок они рвут.
Голодай, чтоб они пировали,
Голодай, чтоб в игре биржевой
Они совесть и честь продавали,
Чтоб глумились они над тобой!
Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся, крик мести народной!
Вперед!*

Откуда-то вынырнул Стевча. И многозначительно шепнул мне на ухо: «Марсельеза!»

Я не очень хорошо его понял. Стевча попробовал мне объяснить, что это – коммунары, радикалы, из Ясеницы.

Из канцелярии выбежали двое полицейских и прикладами вкупе с ногами стали наказывать троицу за отсутствие слуха. Неприятно было смотреть, как они дубасят пьяную компанию.

– Так и нужно. Иначе мы окажемся в... – Стевча показал рукой за Дунай, откуда он переселился в Гроцку, и добавил: – Такие нас и туркам продадут, если что.

Пока бородача тащили в канцелярию, он смотрел на меня укоризненно, как будто это я привел полицейских. И упрямо пытался довольно высокими каблуками зацепиться за брусчатку. Его тошнило. Сербия, похоже, навсегда останется полицейской страной. Не могу сказать, что испытываю какую-то особую симпатию к коммунарам, я отлично знаю, что с ними надо действовать жестко, и все же...

Сейчас, по размышлении, мне кажется странным, что они, как и наши хозяева, выступают за войну. При том одни обвиняют других в отсутствии патриотизма... Несчастливая Сербия! Судя по всему, добром все не закончится. Уже здесь, сейчас... Я не могу этим заниматься. Довольно мне всяких глупостей. Сделаем, что от нас требуется, и продолжим путь в Царьград. Чтобы найти одно-единственное решение всему.

После обеда мы немножко отдохнули, а затем прорепетировали до недавнего времени. Завтра мы приглашены на загородную прогулку.

Гроцка, 8 апреля 1876 г

Представление отложено на воскресенье. Герман очень недоволен этим; он все еще хочет продолжить путешествие как можно скорее. А я никуда не спешу.

Вчера мы были за городом. Нас отвели на Стевчин луг под виноградником, с которого открывается фантастический вид на Дунай. Такой, что аж дух захватывает.

С нами пошли и женщины с детьми, которые носились по лесу и почти не мешали нам.

Стевча кроме вина взял ягненка, а Чолак принес поросенка. Мы выкопали две ямы и подожгли в них сухую лозу и ветки. Бросаешь все на огонь, а потом брызгаешь водой, чтобы пламя опало, и получаешь жар от углей, которые могут тлеть часами.

Я увлекся вертелом с поросенком и совершенно забыл о времени. Под нами блеснул Дунай, щебетали птицы, а стоило подуть ветру – дым от углей волнами перекрывал запах весенней травы... Я люблю Сербию.

И мы опять пили прекрасное грочанское вино.

Бывают мгновения, когда человек снова загорается желанием жить. Когда его переполняет такая любовь, что хочется вырасти до необъятных размеров. И все объять. Вчера я, возможно, впервые захотел жениться и народить кучу детишек. Чтобы было с кем разделить любовь и попытаться скромного счастья. Может, человек все же имеет право на счастье и покой.

Странно – если бы не надвигающаяся война, я, вероятно, не возжелал бы покоя. Приближается время принятия решения. Я бы много не раздумывал. Может, меня перед продолжением пути все-таки ждет уход на праведную войну, которую поведет моя страна. Безотсительно всего, что я могу обрести в Царьграде. Это не только вопрос чести и долга. И я не стану утверждать, что не боюсь. Только сдаётся мне – все в этом мире проистекает в борьбе любви и страха. И если я допущу, чтобы страх меня одолел, и не пойду на войну, разве смогу я тогда открыться когда-нибудь для любви?

Мала смотрит на меня странно. Да что там – странно, она смотрит на меня «именно так». И на репетициях, пока мы ждем свой выход. Я уверен – когда мы встречаемся глазами, обоих

пробивает дрожь. Меня так точно. Из этого что-нибудь да выйдет. Даже Герман заметил, что происходит. Многозначительно мне улыбается.

И Мики, и Ю явно уже сплетничают на этот счет. Сели в сторонке, подальше от группы, и смеются.

У Стевчи красивая дочка. В подпоясанном вязаном либаде¹², с толстым и немножко неряшливо заплетенным венцом волос и необыкновенными голубыми глазами... А грудки ее так дивно дышат. Вверх-вниз. Она тоже бросает на меня взгляды. Я не выдумываю. Она очень юна, но так и съел бы ее – такая она сладкая. Я, и правда, самый плохой из всех. Ну, что же поделаешь, коль мое сердце такое большое. Сербское.

Когда в какой-то момент ветер затих и все успокоилось, я ясно ощутил, что холм, на котором мы стояли, парил в пространстве. В вечном путешествии. А мы уподоблялись спокойным и довольным пассажирам. Островок рая. Если б мне не сделали замечание, поросенок бы сгорел. Я вообще перестал его вертеть.

Может, Сербии приходится так часто воевать именно потому, что она так близка к раю. Ради равновесия. Может быть, потому и не бывает в ней никогда должного порядка, может, потому и встречается столько несправедливости. Бог нам дал красивую землю. И если бы мир своим стучащим кулаком не держал нас в бдительном напряжении, мы бы, наверное, только полеживали, вытянув ноги, в прохладной тени деревьев. Вот я уж вздор мелю...

С холма был виден и луг Гарашана. Зовется он Гавран («Ворон»). На этом лугу люди Михаила, начавшие после его прихода к власти травлю защитника конституции, убили сына Милутина, Луку, брата Илии. Милутину удалось бежать к туркам в Белград. Мне рассказали всю историю Гарашана с того момента, когда Милое Джек во время бунта сжег имение старого Милутина в Гарашах под Крагуевцем, а Милош ему, как человеку проверенному, поспешил на помощь и выделил имение в Гроцке. Мне поведали о том, каким Милутин был горячим и неудобным человеком, и Милош его, к досаде народа, разжаловал из князей Ясеницы. О том, как впоследствии, по приговору Милоша и при помощи его человека, Сараманды, Милутин в хижине в Врбице топором зарубил следующего князя Ясеницы, некоего Андрию. Об учебе и карьере Илии. О смещении и возвращении к власти. О гибели Милутина во время бунта против Михаила. О том, как Илия замирился с Михаилом, а потом снова разругался. Как отошел от политики и свои последние годы провел в имении в Гроцке, как состоятельный человек, знающий, что такое настоящая жизнь.

Говорят, что Илия часто сживал со своими друзьями на Гавране – точно так же, как сидели мы сегодня на Агином холме.

Я предложил всей честной компании создать новый герб Сербии – вертел с поросенком, скрещенный с саблей, в венце из виноградной лозы и дубовых листьев. Можно включить кое-где и сливы. Война и мир.

Мы не говорили много о войне, возможно, именно потому, что мы все ощущаем ее неумолимое приближение. Никто из нас не хотел омрачать райские мгновения.

Кто не знает, какого цвета поросычья кожа, которая лопается, а сквозь нее от жира, который растапливается и вытекает, проступают более темные полосы, – тому неведом цвет наслаждения. Пока поросенок пекся, я успел прилично выпить. Едва помню, как мы ели. Правда, мне все же кажется, что мясо было немножко недопечено.

Я был не единственный, кто напился. Но думаю, набедокурил больше всех, когда мы под вечер возвращались в городок. Не было такой ямы или канавы, в которую бы я не свалился. Ко всеобщему увеселению. Чудо, что я не ушибся и не поранился.

Сейчас мне немного стыдно. Все на меня сегодня заговорщицки поглядывают и многозначительно подмигивают. Ну и ладно, переживу и это.

---

¹² Род верхней женской одежды с широкими рукавами.

Сейчас направляюсь на репетицию. Как настоящий профессионал. Видела бы меня мама. Она всегда тяготела к изысканным и художественным занятиям.

Гроцка, 10 апреля 1876 г

Мими и Ю исчезли. Похоже, они вернулись в Белград. С самого начала они вели себя, как снобы. Остались Мала, я и Герман. Местные все еще не поняли, что никакие мы не актеры. Так стоит ли их разочаровывать. Герман – чистый любитель и декламирует с каким-то необычным, странным акцентом. Но, надеюсь, он справится. Он жаждет одного – как можно скорее с этим развязаться. У старого путешественника масса разных талантов. Сегодня утром он тайком подсунил мне огромный золотой в старинном кошеле: «Пусть будет у тебя», – сказал он и озорно подмигнул мне. Только вот откуда у него этот золотой? Как бы он его не украл, а то из-за него я нарвусь на неприятность!

В последний час мы вынуждены менять программу. Вообще, все становится крайне неясно.

Меня не заботит художественный эффект. Я уверен, что больше не буду заниматься театральным искусством; похоже, мне надоели повторения и заучивания на память. Но этот народ нужно возбудить. Сердцем.

Не важно и если все это случилось уже давно. Если я не знаю точно, что со мной произойдет, что я буду делать, что буду чувствовать, то я и не вижу особой разницы между событием прошлым и настоящим. Между прошлым, настоящим и будущим.

И потому меня раздражает, что Стевча и Чолак все больше тянут. Такое впечатление, будто их уездный начальник предупредил, чтобы они не забегали слишком вперед.

У трактирного служки Пауна нижняя губа отвисает вниз, как у полуидиота, но при том он довольно говорлив. Прищепывая и тараторя так, что я его едва понимал, он сообщил мне, что и Милутин Гарашанин подключился к делу. Что он пригрозил, чтобы они не превращали все в цирк. Государство проводит понятную политику по вопросу восстания. Правительство шатается, и не следовало бы давать Ристичу новое оружие, притом в Гроцке. Войны нам и так не избежать, но необходимо хорошо подготовиться. И не зазывать иностранцев. Ведутся серьезные переговоры с русскими, но никто не верит в то, что Милутин не связан с тем, что происходит в Гроцке.

В любом случае, от меня хотят, чтобы я выбросил самые воспламеняющие фрагменты из статей в «Заставе»; под вопросом и стихи Джуры. Сейчас вдруг начали настаивать на том, чтобы представление было больше историческим и «культурным». Учитывая степень наших актерских способностей – как раз это нас должно было бы устроить.

Не знаю, чья это идея, но самое последнее решение – организовать все мероприятие во славу Обреновича, а выступление посвятить годовщине восстания Милоша! Но только – не перебарщивая со страстями... Главное, чтобы все прошло культурно! Что тут скажешь – тяготеет Гроцка к культуре!

Только сейчас мне, старому болвану, стало ясно, почему выступление перенесено на 11 апреля! Годовщина событий в Таково¹³. Они решили это еще четыре дня назад и все это время делали из нас дураков.

Мы действительно – худший из народов. Райя¹⁴.

Братья мои в Боснии и Герцеговине – конец вам, если ждете от нас помощи!

---

¹³ На скупшине повстанцев в с. Таково Милошем Обреновичем было провозглашено начало Второго Сербского восстания 1815 г., известного в сербской исторической литературе, как Таковоское восстание.

¹⁴ Христиане, подданные Турции, платившие дань.

Свет настольной лампы затрепетал, а потом совсем угас. Мики сначала подумал, что перегорела лампочка. Но кроме лампы выключился и замолчал также телевизор, и даже криво стоящий и потому шумный холодильник на кухне. Мертвым стал и настенный рубильник. Когда Мики подошел к окну, он увидел повсюду только мрак и во мраке темно-серые глыбы ближайших домов. Чомбе опять среагировал быстрее всех. За стеклом его окна замаячил дрожащий свет свечи. Свет приблизился к окну. И когда под выстрел прищепки на карнизе, словно в драматической постановке, яростно отодвинулась занавеска – из мрака вынырнуло призрачное, освещенное снизу лицо Чомбе.

– Мать их фашистскую смердящую! – завел Чомбе свою заезженную пластинку. – Должно быть, попали в электростанцию, мать их... – А затем выдал феерический поток витиеватых ругательств.

Никакого взрыва не было слышно, но ближайшая электростанция и не располагалась близко от города.

Еще совсем недавно пребывавшему в другом мире Мики потребовалось несколько секунд, чтобы вернуться в невероятную повседневность под бомбежками. Священник слушал креативные скабрёзности соседа с тихим удовольствием. Как удачную, немного авангардную патриотическую песню.

– Мы их научили есть вилкой, этих бесхвостых скотов. И вот так они нас теперь благодарят. Мать их!.. Электричество им мы изобрели, а сейчас они «хотят нам его отключить».

Мики был вынужден согласиться с радикальными выводами соседа.

– Не этой ночью! Не этой ночью! – Чомбе взметнул руки к ночному небу, рискуя выпасть из окна. – Прошлого своего не помнят. Сброд! А то нет – все разбойники и воры переселились туда, бежав от виселицы! Мать их! Уа, Кунта Кинте!

Мики вспомнил, что Кунта Кинте – персонаж из какого-то сериала, недавно прошедшего по телевизору. О рабах, которых на судах привозили из Африки в Америку. Какая связь между несчастными рабами и бомбардировками, ему было неясно, но для Чомбе это и не было важно.

– Они хотят, чтоб и мы забыли своих! Чтобы вышло по-ихнему. Э, не будет этого. Мои предки – не чета ихним ворах. У меня есть князь (?) Душан и князь Лазарь! И Милош, и Старина Новак, и Мали Радоица! Мать их воровскую! Весь мир обворуете, а мое у меня отнять не сможете! Чомбе не забывает! Имел я... – цедя все ругательства, которые он только знал и которыми искусно импровизировал, Чомбе, и так имевший в хичкоковском освещении довольно устрашающий вид, никак не желал успокоиться и дать себе передышку. Тишину мрачной ночи на улице прорезали его неистовые крики.

– Мы – самый старый народ! Мы!.. А ну-ка посмейте в меня попасть, сами сдохнете! Ух!.. Сербия! Сербия!

Мики испугался, как бы Чомбе не разбудил его домочадцев, и, кивая головой в знак поддержки, попятился назад и затворил окно.

Поскольку все в доме спали, отключение электричества никого не взволновало. С помощью зажигалки Мики отыскал в ящике кухонного буфета половину свечки, поставил ее в подсвечник и зажег.

Затем вернулся в комнату, чтобы продолжить чтение. При свече. Мики остался всего один лист из Гроцки с несколькими строчками.

Гроцка, 11 апреля 1876 г

Все прошло действительно культурно. Мы не рыгали и не пердели. Более-менее знали текст. И имели большой успех. Мы сорвали продолжительные аплодисменты. Правда, цыганский оркестр из Смедерево встречали еще лучше, чем наши декламации и монологи, но и нас расхвалили на все лады.

Завтрашний Чистый понедельник, несомненно, – более важное событие, чем вечернее культурное мероприятие. Все пойдут на кладбище и вспомнят, что лучшие из них умерли.

Все на этом. Ниже лежали бумаги с высоким каролингским письмом и примечаниями покойного Дорогого Дьявола. Мики с нетерпением просмотрел его комментарии и пометки.

В последнее время он вроде бы полностью утратил интерес к во зло употребляемой истории, как, впрочем, и ко всему остальному. Хотя раньше любил читать исторические книги и довольно много знал о выдающихся личностях и событиях девятнадцатого столетия. А то, что пережил в Гроцке 1876 года неизвестный автор путевых записок, Мики как будто сам прошел в годы, предшествовавшие югославским войнам 90-х годов двадцатого века. Пробуждение национального самосознания и все, с этим связанное.

«Боже, как только вспомню, – с усмешкой размышлял Мики. – Как и мы, твердый костяк...» Мики хотел воссоздать в памяти одну сцену в кафе, когда он с компанией пел запрещенные националистические песни. А потом... Потом... Он никак не мог вспомнить, где это было и что там на самом деле произошло потом. Память отказывалась воскрешать его бывших друзей и случаи из жизни, которые Мики пересказывал не один десяток раз при разных обстоятельствах. Единственным, что рисовало его воображение, был трактир в Гроцке, усатый Чолак с гусями, Стевча, Раткович... Мики казалось необычным, что он так ясно видит лица людей, о которых прочитал всего несколько строк, но не может вызвать в памяти ни имен, ни лиц своих друзей, с которыми проводил многие дни и месяцы.

«Стоп-стоп, мы сидели в... в...» – усталый священник напряженно попытался припомнить название или вид кафе, в котором случилось то, что уже случилось, но опять оказался за грубо отесанным столом в грочанском трактире. Вот местные выгнали из трактира цыган, а пучеглазый Чолак начал играть на гусях. А затем – полет над домашней и лесистой Сербией.

«Боже, что это со мной?» – задался вопросом Мики и быстро протер глаза тыльной частью ладони. Чтобы справиться со странным головокружением, нахлынувшим на него, священник сосредоточил внимание на бумагах перед собой.

Из-под высокого каролингского письма выглянул лист бумаги, очень похожий на лист из Гроцке, но только сильно пожелтевший и хрупкий, перевязанный тонкой трехцветной веревкой. Буквы на нем почти совсем поблекли. Мики аккуратно развязал веревку, стараясь высчитать, какой это год – 6947-й. Он знал, что от этого числа нужно вычесть пять с чем-то тысяч лет (сколько, как когда-то считалось, прошло от сотворения мира до Рождества Христова). Но никак не мог вспомнить, сколько именно. И потому схватил комментарии Дорогого Дьявола. Быстро пролистывая бумаги, он только пробежал взглядом твердый старческий почерк. Наконец нашел точную дату: 1439 год. Вычитать надо 5508 лет. Мики так и учили на теологическом факультете, но со временем он это позабыл. Как и кое-что другое.

V. Смедерево

Смедерево, якобы в год 6947-й, в месяц апрель, 13-го дня, второго индиктиона

Если у тебя есть венецианские дукаты, цехины¹⁵, считай – все в порядке. Целый Божий день я хожу по городу и расспрашиваю о ценах и обмене денег. Один дукат меняется на три перпера или 42 гроша – динара. Турецкие аспры¹⁶ сейчас больше в цене, и за один дукат дают 35 аспров. Примерно выходит: пять аспров – шест динаров. Один аспр составляют четыре медяка. Венгерский дукат слабее венецианского, но и он пользуется спросом, так как многие направляются в Венгрию. Цехины раздобыть нелегко. Дубровчане их вообще не меняют на серебряные деньги. Говорят, что в Дубровнике один цехин можно получить и за 40 динаров – правда, за сорок старых динаров. Новые динары попорчены; в них меньше серебра, и по весу они легче старых. И аспры тоже слабее старых.

В ходу появились и фальшивые монеты – медные динары, только посеребренные. Их практически не отличишь от настоящих. Они настолько искусно сделаны, что в народе поговаривают, будто их тайно чеканят на монетном дворе деспота.

Судя по всему, золото торговцы дают только за серебряные слитки, которых в городе ходит мало. Из-за монетного двора деспот запретил торговать в городе серебром. Однако серебряные украшения и посуда все же появляются на рынке. Отсюда многие уезжают, и потому распродают серебро по низкой цене.

Таможенные приставы не чинят препятствий такой торговле.

Во многих местах пригорода я видел собирающиеся караваны. Похоже, что и дубровчане решили закупить на скорую руку все, что могут себе позволить, и бежать.

Здесь привыкли ворочать большими деньгами. Но я все-таки побаиваюсь вот так запросто достать наш необычный золотой и отдать его на оценку.

Как бы кто не прибил меня. А то ведь может случиться и так: «Жди тут, а я отойду в сторонку и проверю», и затем у меня затуманится в глазах, и я больше его никогда не увижу. Или мне всучат фальшивые деньги. Я не слишком хорошо разбираюсь в благородных металлах.

Не знаю, что и делать.

Золотой, который мне оставил на хранение Герман перед тем, как исчезнуть неведомо куда, просто огромный. Он скорее похож на какую-нибудь медаль, чем на монету. На рынке, заглядывая через плечи ушлых слуг местных торговцев, я не увидел ничего подобного. Цехин невелик по размеру, чуть крупнее большого пальца руки, а наше чудо точно весит пять унций. Ну, может, чуть меньше. Унция здесь является главной малой мерой веса. Это около двадцати семи – двадцати восьми граммов.

Золотой выглядит очень необычно. На одной его стороне вокруг изображения какого-то строения, скорее всего, храма, вычеканены греческие буквы, которые я не могу разобрать, а на другой – профиль какого-то правителя. Буквы там еще более неясные, совсем затертые.

Эх, знать бы, сколько я могу получить за этот огромный золотой. Двадцать-тридцать дукатов, а, может быть, даже больше? Или кинжал под ребро? Был бы со мной еще какой-нибудь мужчина! Едва ли моя гарпия с детским лицом сможет прикрыть мне спину. Хотя, возможно, и она способна нанести смертельную рану.

---

¹⁵ Золотая монета, чеканившаяся в Венеции с 1284 г. до упразднения Венецианской республики в 1797 г.

¹⁶ Акче – мелкая серебряная монета XIV–XIX вв., обращавшаяся на территории Османской империи и сопредельных государств; в Центрально-Восточной Европе акче была известна под греческим названием – аспр.

Близится вечер, уже разбирают прилавки. Я не могу пойти в корчму и расплатиться там этой золотой тарелкой. Чтобы мне вернуть сдачу, хозяевам пришлось бы распродать все свое имущество. Если бы они, конечно, не решили дело более практичным способом – не убили бы нас во время сна. Я очень устал, и мне необходимы хороший ужин и сон. Удивительно, но гарпия не жалуется. А только молчит и источает недовольство.

Как будто это я виноват в том, что глупая шляпка вчера вечером отвязалась и через столетия забросила нас сюда. Герман исчез... Сомневаюсь, что это – случайность...

Я должен что-либо предпринять. Писать все это, пожалуй, не слишком разумно. Но мои мысли несутся все быстрее, а я все меньше уверен, что достигну какой-либо цели...

Ты только думай, бумага стерпит всё. (Кто будет читать эти каракули...?)

Корчма Голубицы, то же место, та же дата, чуть позднее

Чувствую себя успешным деловым человеком. Может, я и не гений, и, тем не менее, – учитывая мой несуществующий опыт в торговле – я отлично справился. Первым делом я отправился к писарю, у которого с грехом пополам после обеда вымолил перо и немного чернил. Кроме того, что он составляет для людей документы на сербском языке, он еще и продает приборы для письма, пергамент и вощенный лен.

С потайным расчетом я расспросил о ценах на пергамент. Пергаменты средней величины и довольно примитивно обработанные он предложил мне по цене 15 аспров за дюжину. Цена явно была завышенной, но я не торговался. Я достал 22 листа своей бумаги и положил перед писарем на прилавок.

– Сколько ты дашь за это?

На изнеженном бледном лице застыло выражение своеобразного вежливого удивления.

– А что это такое?

– Коржи для пирога.

Писарь подхалимски заулыбался.

– Итальянские?

Совершенно неуверенный в стране происхождения моей бумаги, я, тем не менее, важно кивнул головой. Изнеженный писарь аккуратно взял в руки один лист.

– Я такой бумаги не видел. По виду какая-то непрочная. Наверняка легко рвется.

– Не порвется, если сам не разорвешь. Гораздо важнее то, что чернила по ней не растекаются.

– Не знаю, нужна ли мне такая. Я периодически использую вот эту, флорентийскую, – писарь достал из-под прилавка один лист темной, грубой бумаги. Но я не хотел упускать преимущество первого хода.

– Рядом с моим листом твой выглядит, как араб подле девицы из башни.

– Но он прочнее...

На мое предложение вместе испробовать, какая бумага легче рвется, писарь ужаснулся. Тогда я предложил ему ради пробы написать что-нибудь на одном и на другом листе. Он опять пришел в ужас.

– Ну, может, возьму на пробу. Тут сколько?

– Двадцать два сложенных пополам листа, а если разрезать – сорок четыре...

Пока писарь старался придать своему лицу выражение гадливости, его руки бесконтрольно умывали одна другую. Меня затопила волна ненависти к этому ненасытному пройдохе, которому я решился передать ценную бумагу.

– Я не могу дать тебе больше перпера за все это.

Я только того и ждал, чтобы разговор зашел хоть о каких-то деньгах. Ужин мне уже улыбался. Нужно было только еще немного выжать из изнеженного. Привести его в чувство.

– Ты меня расстроил... Пойду-ка я к дубровчанину, в латинскую канцелярию. Там я получу целый дукат.

Заслышав это, изнеженный барыга поднял цену до пятнадцати аспров, я в ответ сбавил до тридцати, изнеженный – до восемнадцати, я назвал ему – до двадцати восьми, он – до девятнадцати, я – до двадцати семи...

Мы с моей сладкой гарпией страшились разлучаться в незнакомом городе, переполненном приставами и агрессивными служками. В пылу торга я совсем было позабыл о ней. Но она сама о себе напомнила, прожужжав мне на ухо, что пора заканчивать ломать комедию и брать деньги. Мне захотелось захватить её локтем по носу, но желание показать, кто из нас главный, перевесило, и я лишь прикрикнул на нее, а потом угрожающе протянул руку писарю и согласился на девятнадцать аспров, перо, ножик, чернила и песок.

Теперь писарь запричитал, что от такой продажи одни убытки, что его драгоценный прибор для письма стоит намного дороже двадцати семи аспров, которые он запросил. Но, похоже, моя гарпия так посмотрела на него, что он поспешил согласиться и тоже протянул мне руку. Конечно же, я получил самый жалкий тупой ножик и самую маленькую бутылочку с самыми дешевыми черными чернилами, всего две пригоршни песка и обтрепанное перо, которое он ранее мне давал взаймы. Но и мне, и изнеженному писарю в присутствии разгневанной дамы дальнейший торг стал поперек горла.

Гарпия уже прилегла на соломенный тюфяк. Несомненно, она еще бодрствует, только глаза прикрыла. Первый раз мы будем спать рядом друг с другом... А там посмотрим... Как кстати, что нам нельзя разлучаться... Из моих уст это, может, звучит, как обман, но она мне на самом деле начинает нравиться. За ужином она расслабилась. Вино было отличное. Говорят – путь к мужскому сердцу лежит через желудок. Не знаю, почему этого нельзя сказать и о пути к женскому сердцу. Я ее и напоил, и накормил, и настроение у нее заметно приподнялось. Она начала рассказывать о себе... Хотя, по правде говоря, сначала я повел рассказ о себе, а она благодушно слушала и время от времени вставляла словечко. Я чувствую, что мы заметно сблизились.

Мыло, которое я должен был ей купить, дороже ночлега и ужина вкупе. И, признаться честно, я бы его и не купил, если бы уже тогда не воображал себе, что может произойти сегодня вечером. И что мне только не лезло в голову, пока я ждал под дверью, когда она вымоется... Может, и мне немного ополоснуться? В ведре еще осталась вода. Да, это было бы пристойно. Хватит писать; а то ей может показаться, будто я особо не заинтересован. Да и не стоит терять время, господа. А то она может уснуть.

Переворачивая страницу, Мики подумал, что и он мог бы закончить читать и пойти к жене. Желание теплого женского тела под одеялом распалило его настолько, что Мики пришлось даже расстегнуть пуговицы у воротничка рубашки. С большим удовольствием он представил, как они, прижавшись вплотную друг к другу, медленно перекатываются на шуршащем соломенном тюфяке. Шур-шур...

Внезапно Мики осознал, что шуршание, которое он слышит, никак не может доноситься из пустой комнаты, в которой он сидел. Софа, кресла, комод, выключенный телевизор, столик, полки – ни один из этих предметов обстановки не мог шуршать. Да и матрас в спальне вряд ли шуршал. «Наверное, это потрескивает свеча», – подумал поп. Но свеча горела спокойно, ровно и не потрескивала, а шуршание все же слышалось. А потом вдруг все стихло.

«Это – усталость, – заключил отец Михаило, – это, несомненно, от усталости». Он зевнул и потянулся. Но все же не смог убедить себя отложить рукопись и пойти спать.

Смедерево, 14 апреля

С тридцатью золотыми мы могли бы делать все, что душе угодно. Купить лошадей, еду. Одеться как подобает. А так на нас явно поглядывают с подозрением.

Сегодня утром я сдался и отправился в дом дубровчанина Бобалевича, на которого мне многие указали как на лучшего менялу в городе. В большой зале сидели еще трое озабоченных мужчин, так что я сразу немного расслабился. Меня успокоило то, что все будет происходить перед свидетелями.

Но на поверку вышло, что я просидел там напрасно, сам став свидетелем неприятных событий. Когда я вошел в залу, крупный дородный Бобалевич вел разговор с высоким и очень худым, лохматым человеком, упорно пытавшимся приобрести сукно за шестнадцать дукатов, но только в кредит. С зеленоватым лицом, толстыми черными бровями, большими глазами и редкой бородкой, растрепа спокойным глубоким голосом старался убедить Бобалевича в своей дельности и толковости, пересказывая все успешные сделки, в которых он участвовал. Кроме вчерашней сенсационной продажи бумаги, у меня никакого опыта в делах торговли нет. Так что мне стало любопытно, с каким гонором он выпрашивает в долг. Бобалевич не поддавался. Наморщив свой широкий, но низкий лоб, он лишь повторял, что сейчас, когда турки двинулись на Смедерево, а деспот бежал в Венгрию, момент для заключения такой сделки неподходящий. Нет никакой гарантии. И он не сумасшедший, чтобы давать товар в кредит. Тем более что вопрос только времени – когда он сам уедет в Дубровник.

Растрепа разжал тонкие губы, обнажив редкие зубы, и с чувством превосходства заявил, что располагает достоверной информацией о том, что деспот скоро вернется с большой помощью и из войны ничего не выйдет.

– И ничего не выйдет. Султан вас раздавит за два дня, – Бобалевич устало откинул свои телеса на спинку заскрипевшего стула и махнул рукой в знак того, что разговор с просителем закончен. – Давай, выходи! У меня нет времени.

По правде говоря, смедеревская крепость очень мощная. Так что и мне прогноз Бобалевича показался немного странным. А вот растрепа выразил свое несогласие яснее:

– Турецкий прихвостень! Кровопийца! Да мы их встретим так, что они надолго запомнят... А ты и подобные тебе хуже турок. Вы хотите, чтоб мы, а не они, лишились головы. Вы, надушенные паписты, с вашими липкими ручонками и вашими деньгами. – Растрепа начал махать руками так, что стал напоминать большущую птицу. – Можешь своим сукном подтереть задницу! Да на кой мне твое сукно! Когда прогоним турок, ты вернешься сюда и будешь умолять, чтобы мы купили твою поеденную молью материю. С двухлетней рассрочкой. Вам без нас не прожить. Все получили на наших горбах. А чуть что не так, разбегаетесь как крысы. Чума на ваши головы!

Растрепа выскочил на улицу.

Бобалевич поджал губы, переваривая обиду, а двое оставшихся в зале посетителей испытали сильную нужду выказать свое неприятие неразумного поведения соотечественника.

Сморщенный седой старик с красным лицом осуждал наглеца громче всех. Вышло так, что он был следующим в очереди, а просьба к Бобалевичу у него была еще больше. Как старый партнер он просил беспроцентный денежный заем! Бобалевич и ему отказал, правда, чуть вежливее, чем растрепе. Старик побледнел и вышел, с достоинством задрал голову. Подошла очередь морщинистого весельчака с одной лукаво приподнятой бровью. Бобалевич назвал его Вучиной. После меня никто в помещение не входил, так что в канцелярии мы остались втроем.

Оказалось, что Вучина задолжал дубровчанину изрядную сумму и свой долг решил выплатить неудачными шутками.

– Цветко! – рывкнул Бобалевич, и в залу откуда-то сзади вошли двое громил с дубинками.

Вучина – в страхе от того, что грозило последовать за их появлением, начал ссылаться на закон деспота о защите должников в Смедерево. При этом он стал обращаться и ко мне, что мне было совсем неприятно. Мне хотелось остаться незамеченным, и я пытался только улучшить момент, чтобы незримо покинуть пыточную.

– А ты пожалуйся деспоту, когда он вернется. Скажи прямо – ты намерен вернуть долг или нет? У меня нет больше времени...

– Я буду жаловаться! Я приведу людей воеводы! – должник опять обернулся ко мне: – Иди, позови пристава, быстро!

Вучина еще раньше остался без денег, а сейчас у него иссякли и шутки. Он начал звать на помощь еще до того, как получил первый удар дубинкой по своей спине. Я деловито что-то пробормотал и двинулся к выходу.

– Стой! Мы скоро закончим, – услышал я за спиной голос великого инквизитора. Этого-то я и боялся и только ускорил шаг. Не оборачиваясь, с ногами, жесткими и нестигаемыми как кирки, я почти побежал вниз по улице. Мне и в голову не приходило звать пристава, но я совсем не был уверен, что громилы думают так же.

Глупо – вмешиваться мне в дела, которые меня не касаются и в которых я мало что понимаю. И в то же время мне стыдно за то, что не пошел за приставом. Ну, а если бы пристав начал расспрашивать, откуда и кто я?

Ей я ничего не рассказал о том, что случилось. Она вымыла волосы и сейчас сушит их у окна. И при взгляде на ее голые белые руки я испытываю чувство, похожее на счастье.

Может, я и не понимал бы, что это именно – счастье, если бы его не портило другое, неприятное ощущение. Неприятное ощущение напоминает мне о том, что денег у нас осталось только на сегодняшний ночлег у Голубицы. И то – если мы пропустим обед и ограничимся только ужином.

С сегодняшней ночи у меня в голове постоянно вертятся картины. Еще одна ночь – настоящее приобретение. Пока мы сидим вот так, в тишине, как будто все – лишь ожидание повторного шуршания тюфяка.

Я не сомневаюсь, что и Голубица вытащит откуда-нибудь дубинку, если мы ей задолжаем. И она сильная, как земля. А если еще появится какой-то ее Цветко... В корчме полно людей зловещего вида. Не хочу и думать об этом. Ведь пострадает моя мужская гордыня перед моей новой любовью.

Ну и подерусь, если нужно.

Завтра утром нам потребуются деньги. Турки выступили. Я мог бы остаться здесь – защищать Смедерево. А может быть, все-таки стоит добраться до Града? Может, важнее защитить врата Неба? Нелегко, когда остаешься в пути без такого проводника, как наш. И все же он оставил нам золотой.

Какой же он необычный, этот золотой. Тяжелый. Сейчас он тяжел для меня, как камень на шее. Кому его предложить? Только Цветко встает у меня перед глазами. Я могу позволить себя одурачить.

Гуляя, я видел, как приставы вели связанного человека. Похоже, опять какая-то финансовая проблема.

Я снова выхожу на улицу. Вот встану на каком-нибудь углу и буду стоять там, пока что-нибудь не случится. Буду ждать, пока мне не поможет Господь Бог или случай. Сомневаюсь, что здесь кому-то захочется посмотреть наши патриотические представления, в которых мы так поднаторели. Да и наша группа уменьшилась. Сократилась до нас – двоих сирот.

Лишь бы откуда-нибудь не появился избитый Вучина. А то я сквозь землю провалюсь.

14 апреля, вечер

Не знаю, какое сейчас время дня. Я совершенно забыл о времени, а она меня, конечно же, ждала. Легла спать без ужина. И даже если бы она хотела поесть, деньги-то у меня. То, что осталось. Я – самый плохой человек.

Спит она или притворяется спящей, – но я не уверен, что разумно ее будить. Едва ли сегодня вечером будет что-то шуршать на тюфяке. Завтра я скажу ей, что сделал, а там – помощи, Господь!

Я исходил весь пригород вдоль и поперек, шаг за шагом, ожидая, что случится какое-то чудо и проблема с золотым разрешится сама собой. И она разрешилась, только как!

Не зная, что делать, я приценивался к каждому товару, который только видел. Даже начал расспрашивать кузнеца, какой уголь он использует, и разузнал у красильщика, из чего делается такой красный краситель. Оказалось – из определенного вида червей-паразитов, живущих на травах. Их собирают, потом сушат и измельчают в прах. Краситель потому и называется «црвац» – от слова «црв» – «червь», а может, и красный цвет получил свое название по тем червям. Цвет страсти, войны, пламени, тайного знания – этот цвет происходит от незамысловатых растительных червей. Поразительно. Занятие цветами всегда было для меня сродни алхимии. Когда же я еще узнал, что дубровчане дают по два перпера за литр этого красителя, я на полном серьезе задумался – а не заняться ли мне этим промыслом?

На это только я, пожалуй, и способен – пойти на луг и собирать червей. Так оно честнее будет. Золотой уже не мой – промелькнуло у меня в голове.

То ли я в раздумьях о своем трудовом будущем бессознательно устремил шаги к лугам, лежавшим за Смедерево, или то был перст Божий – но я вдруг оказался перед церковью.

Первое, что мне подумалось – эту церковь строил тот же мастер, что соорудил и округлую башню на крепости. Фасад расцвечен рядами кирпича и камня. Возводил его тот, кто любит свою работу.

Черный зев на фасаде смотрел на меня сквозь деревья с немym призывом. Недолго раздумывая, я двинулся вперед, чтобы войти внутрь. Терять мне нечего – я и так не ведаю, что творю.

Человек не обязательно должен быть верующим, чтобы перед входом в церковь ощутить внутренний трепет. Стоило мне опустить голову, чтобы поискать следы всех тех, кто входил сюда до меня, и немного осмелеть, как, к моему вящему ужасу, церковь ко мне обратилась сама:

– Добро пожаловать, хороший мой!

На пороге стоял человек в сутане. С непокрытой головой и лысеющий, с редкими пучками волос.

– Ты не местный?.. Но ты – серб?

«Скорее всего, да», – подумал я и кивнул.

Внезапно я сильно погрузнел. Согнул округлую голову.

– Видишь, что здесь происходит? Кара. Божья кара. Мы все ее заслужили... Всех нас турки погонят в рабство. Никого здесь не останется. «Потому сказываю вам, что отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его!»

Мне казалось, что человек в рясе готов расплакаться. Но вместо этого он рассмеялся и протянул мне руку.

– Грешный дьякон Дабижив (Был-бы-жив)!

Он не стал ждать, пока я, запинаясь, назову ему свое имя, которое и для него, и для меня значило гораздо меньше, чем значило для него его имя. А приобнял меня и повлек к порте.

– Присядем у меня. А то стоим, как вброны.

Мы прошли через порту к деревянному домику, своеобразной церковной канцелярии – со столом, на котором стоял прибор для письма и лежало несколько листков бумаги, со стульями и большими сундуками вдоль стен. На стенах висело несколько икон. Усадив меня на стул напротив стола, Дабижив достал из одного сундука бокал с вином и деревянные кубки. И подмигнул мне.

– Митрополит не любит, когда пьют, так что я здесь держу. Тебя, наверное, мучит жажда. Необычайная жара в такое время года...

Не переставая говорить, Дабижив налил нам вина и сел за стол. Он был уверен, что турки нас раздавят. Любой умный человек может прийти к такому выводу. Митрополит с деспотом, деспотницей и маленьким Лазаром перебрались в Венгрию, ищут там помощи, но от этого нет никакой практической пользы. Не турки – наша проблема, а мы сами. И иностранцы, что отравляют ядом раздора горемычный народ.

– Главное зло нам не от турок, а от латинян. С турками, по крайней мере, все ясно. Те все решают саблями, а эта моль нас своими деньгами растлевает. Каждый только о своем кошеле думает, о Боге позабыли...

Дабижив доверительно перегнулся через стол и понизил голос.

– А греки... Деспот совершил самую большую ошибку, привезя сюда гречанку и ее братьев. И всех этих гречиков. Уж попили они нашей кровушки. Да еще нос задрали. Ну, прям, они – господа. Да пропади они пропадом... Если бы деспот не выкупил из темниц половину Салоников, гребли бы они сейчас веслами на турецких галерах вместо того, чтобы здесь важничать. Да-да! А нам три лета тому назад пришлось Мару отдать султану. Весь народ плакал, провожая ее с братом Стефаном.

Я с большим вниманием выслушал его пересказ вестей из Царьграда.

– И Царьград не выстоит долго. Без пользы им и двойные валы, и все... Говорят, что сейчас в Царьграде полей больше, чем домов. В окружении им там питаться нечем, вот и распахали части города под поля. Там, где прежде стояли палаты, сейчас колосится пшеница и растет виноград. А людей все меньше и меньше.

У меня вдруг из глаз потекли слезы.

– Процессии кружат по городу. Бродят люди по опустевшим улицам и молят о помощи Господа. От людей помощи больше нет. Лицемерные латиняне... А в Великой церкви¹⁷ служат непрерывно... Один наш монах недавно вернулся оттуда. Был на литии. Патриарх ведет, а могучий народ за ним бредет босоногий.

И когда все собрались в Святой Софии – и патриарх, и священники, и народ, и царь с обоими братьями, и обе царицы, царица-мать и жена царя, то служили чин почти четыре часа. Невозможно было найти ни одного лица, которое бы не было залито слезами, – Дабижив качнул головой, отер свои слезы и подлил нам вина, чтобы мы могли поднять тост.

– За православных мучеников, мой хороший...

Размышляя о том, действительно ли наше путешествие все еще имеет смысл, я не успел отпить и глотка, а у Дабижива снова переменялось настроение.

– Сейчас вот смотрю на Венецию, а не на Царьград. Отрекаются там люди от родных, от веры. Забыли о законах деспота Стефана и из расчета становятся католиками! Если бы их приютили, все бы в Дубровник переселились! Но и дубровчане не дураки. Держат их лишь до тех пор, пока не извлекут все серебро... А я бы им – как то когда-то делалось – ноздри повыдирав да поглядел бы, куда они будут гнать!

Почти в отчаянии, Дабижив перевел разговор на сербов, бегущих из Сербии в Венгрию – как из-за турок, так и из-за невыносимой барщины (трудовых повинностей), которую насаждает Ерина со своими братьями. Он был уверен, что они там не сохранят веру предков. А затем

---

¹⁷ Так византийцы называли знаменитый храм Святой Софии – Премудрости Божией в Константинополе.

Дабижив заговорил о чуме, злобствовавшей под Рудником. А потом опять переключился на ростовщиков Дубровника. А потом мы снова пили вино.

– Сатанинское отродье, хороший мой. Видят, что нам турки учиняют, да надумали нас склонить к унии. Чтобы папа нам бороды обрил.

При взгляде на его редкую рыжеватую бородку я не испытал страха великой потери, но все-таки согласился с ним. И, хотя многие вещи, которые он рассказывал о церкви, стали для меня полным откровением, я оставался уверен, что православие надобно сохранить любой ценой.

Дабижив много говорил об унии, о соборе во Флоренции, о растленных папистах. Для меня все эти темы были новыми, а мой собеседник рассказывал занимательно.

– Разврат прямо в церквях устраивают, в алтаре... А люди-то видят, что творят священники, так что неудивительно, что больше никто Церковь не почитает.

А нас да в унию. Мне тут рассказывали об одном монахе. Все повторяют его слова. В тот день, когда его избрали аббатом, он получил известие о том, что его наложница родила ему сына. На что Агрикола (а так его звали) сказал: *«Сегодня я стал отцом дважды, да благословит Господь это событие!»* Его разве что задушить и ничего другого!

Дабижив перекрестился; вместе с ним осенил себя крестом и я. И мы сошлись во мнении, что католиков погубит их нежелание отступить от целибата.

Мы пили и разговаривали, обсуждали светскую и церковную политику, и я не заметил, как пролетело время. Я много узнал от Дабижива, и мы в каком-то смысле сблизились с ним, и все же я и сам не знаю, почему вдруг в какой-то момент я решил поделиться с ним своей проблемой с золотым.

Едва я начал объяснять суть дела, как красноватые веки моего собеседника почти наполовину прикрыли его маленькие глазки. Дабижив быстро успокоился и удобно расположился на стуле, положив кисти рук на стол. Я почти раскаялся, что так открылся едва знакомому человеку.

И только тогда заметил, что его ноготь на указательном пальце совершенно синий. Видно, больно ударился им обо что-то.

Дабижив не выказывал интереса, но держался устрашающе неподвижно. Шевелились на нем лишь пучки его редких волос, так и не прилепившиеся к потному челу церковнослужителя.

Не желая обидеть его своими подозрительными измышлениями, я потянулся за рубашкой с сумой и достал золотой. Передавая его Дабиживу, я подметил, что глаза его устремились на прорези в монете. Он взвесил ее в руке, глядя на икону Св. Георгия, а потом вздернул брови и немного отстранил золотой от глаз – намереваясь прочесть, что на нем было написано.

– Это мог бы быть «талант». – Дабижив важно кивнул головой, торжественно поднес золотой к губам и попробовал его «на зуб». После чего так же спокойно и торжественно, словно забыв о моем присутствии, взял со стола ножик для пера и начал скрести им по золотому. Опять важно кивнул головой, отложил ножик и подбросил золотой в воздух так, чтобы тот упал на стол. При этом чуть наклонил голову, чтобы лучше слышать звук металла. Не удовлетвовавшись одной попыткой, он еще раз подбросил золотой. И снова Дабиживу показалось этого недостаточно – тогда он приложил к столу ухо и бросил золотой так, чтобы тот упал у него перед носом. Пучки волос попадали ему на лицо. Дабижив зажмурился, потом открыл глаза, приподнялся и вернул мне золотой. Поправил рукой волосы и сказал:

– Видал я монеты, похожие на этот золотой... Он стоит... семнадцать дукатов!

Меня немножко смутило, что мой новый друг так легко уполовинил стоимость моего сокровища. Впрочем, кто знает, может, и я оценил его неверно. Может, в этом золотом было серебро. Видно же, что человек разбирается.

Дьякон Дабижив опять нам обоим подлил вина. И мы подняли тост за то, чтобы я успешно решил свое дело с золотым. Когда Дабижив услышал, что я иду в Царьград, он заметно

воодушевился. При упоминании о моей спутнице, он полюбозытствовал, венчаны ли мы. И проявил достаточно понимания, когда я, запинаясь, попытался объяснить ему те особые отношения, в которых я находился со своей уснувшей красавицей.

Вот сейчас... Она вообще не шевелится и будто назло мне не хочет даже соломинкой пошелестеть. А как вчера вечером шелестело – как река...

Мы с Дабиживом не беседовали больше о политике и войне. Разговаривали больше о маленьких человеческих радостях. И, как мне кажется, Дабижив теперь говорил намного спокойнее и чаще давал мне возможность высказаться. Он принес третий кувшин вина. И я узнал интересные рецепты приготовления речной рыбы. Дабижив поведал мне также, как выше Смедерево рыбаки выловили сома длиною в две сажени. Подробно рассказал о кабанах, водящихся в округе, и о том, что даже он время от времени наслаждается охотой.

А затем мой собеседник повел разговор об искусстве. Он разглядел во мне человека с склонностью к таким вещам. Дабижив встал из-за стола и вывалил из сундука серебряные кадила тончайшей работы и по очереди показывал мне их.

– Здесь только несколько вещей; остальное – у митрополита, в городе...

У меня было ощущение, что меня оценивают, но я сдержанно показывал, что мне нравится, а что нет. Разговор стал несколько официальным и чинным. Как бывает, когда встречаются два специалиста.

– Деспот нашел на Святой Горе (Афоне) старую синайскую рукопись. Он довольно хорошо образован для правителя, может, не так, как почивший деспот Стефан, но... Не случайно, что в родстве и с царем, и с султаном. Так вот, читая рукопись, он заметил, что греческий оригинал существенно отличается от сербского перевода, – стоя над открытым сундуком, Дабижив неожиданно затронул совершенно новую тему. – Деспот сразу же пригласил старых честных монахов со Святой Горы, из Хиландарского монастыря, чтобы они заново перевели книгу. Здесь вот они и сидели... То есть в Смедерево. И переводили под надзором старого митрополита Савватия. Он отлично знал греческий язык. Многие приложили к тому переводу руку. И Кантакузин, и один из учеников Константина из Белграда. Получился настоящий, боговдохновенный перевод.

Дабижив нагнулся и торжественно извлек из сундука толстенную книгу с деревянными обложками, покрытыми красным сукном, да еще окованными серебром. Пучки его волос снова заколыхались.

– Списков сделано было много, но этот – нечто особое. Глянь-ка, мой хороший!

Дабижив положил книгу на стол и рукой поманил меня подойти поближе и рассмотреть ее. Книга была действительно прекрасна. Написана на пергаменте, черными чернилами, красивым почерком, с несколькими занимательными иллюстрациями. Больше всего мне понравилась миниатюра на первой странице, после титульного листа – с лестницей и людьми, которые восходят к Богу, а маленький черный демон их сбрасывает.

– Ну, что скажешь?

Я сказал, что книга и в самом деле особенная, а он почти что вырвал ее из моих рук и чинно направился с ней к сундуку. Но в тот самый момент, когда Дабижив хотел положить ее на место, он вдруг вскочил и, словно озаренный, резко повернулся ко мне.

– Мне тут кое-что пришло в голову!

Я же ни сном ни духом не ведал, что происходит под его тощими пучками.

– Пожалуй, мы сможем решить твою проблему.

От обильного возлияния я почти совершенно забыл, что у меня есть какие-то проблемы.

– Я бы не решился на такое. Но нам нужно выдюжить. А иначе низринемся в пропасть, если не будем помогать друг другу.

Сжав губы, Дабижив подошел и протянул мне книгу.

– Ты легко продашь ее за тридцать дукатов. Только никому не говори, откуда ты.

Только сейчас мне кажется невероятным, что я смогу продать книгу по цене экипажа четверкой. А когда я ее там взял в руки, мне лишь стало не по себе из-за такого щедрого подарка. Я был потрясен.

– Я не могу согласиться на это, правда... – произнес я с намернувшимися на глаза слезами. Дорогой человек в сутане посмотрел на меня с дружеской улыбкой. Маленькие глазки исчезли под приподнявшимися щеками.

– Можешь, можешь, как так – не можешь... – Дабижив хлопнул меня по плечу и отошел долить нам вина.

Мы опорожнили весь кувшин, и он ушел за новым.

Я смотрел на книгу в руке и, готовый залиться слезами, старался обуздать свое сердце, которое все расширялось и расширялось, угрожая сдавить мне легкие. Я думал – как же удивительно посреди кошмара, в стране, которая падает в пропасть, встретить такое проявление дружеской любви. Ко мне вдруг вернулась вера, что ничто в этом мире не уничтожит мой народ. Никакие турки, никакая чума. Никакой Запад – неспособный своими деньгами и своей новой верой в торговлю уничтожить всю глубину человечности, которую хранит православие.

Мы продолжили пить.

Когда разговор замер, я понял, что нужно идти. Я встал и стыдливо взял книгу.

Вздыхнув, еще раз поблагодарил Дабижива.

– Слава Богу, – прервал он меня, скромно отведя взгляд в сторону.

Дабижив проводил меня до дверей канцелярии. И на пороге весело сказал:

– Прости, но тот золотой... Я ведь должен как-то оправдать... Понимаешь?

Что-то внутри меня оборвалось, но я все-таки поспешил свободной рукой достать монету из сумы.

– Да, конечно...

Дабижив придержал книгу.

– Думаю, ни у кого не возникнет вопросов, – подмигнул он мне. – «Сейчас я в каком-то смысле здесь главный».

Попрощавшись с золотым, я кисло улыбнулся, взял книгу и вышел на воздух. Перед расставанием мы еще раз расцеловались.

– Поставь и за меня, грешного, одну свечку в Великой церкви. Да пребудет с тобой Господь! – услышал я за спиной. Пробираясь во мраке к выходу с церковного подворья, я не оборачивался.

Я чувствовал себя немного, как тот сом в две сажени. Будь я дворянином, на заднике моего герба непременно бы красовалась эта рыбина.

Как я завтра все ей объясню? Заснула она злая, а проснется вообще как фурия. Так мне и надо. С другой стороны, быть может, это – некая справедливость. Ведь золотой на самом деле и не был нашим. Мне его лишь доверили на сохранение. Ну да, так я начну еще... Не стоит! Сом! Как мне теперь добраться до Царьграда?

Книга действительно прекрасна. Украшенные заглавные буквы так изящны. И флажки перед оглавлением. А та икона на первой странице просто чудесна! Такая наивная, и в то же время... почему демоны такие маленькие? Оттого они выглядят довольно симпатично невыносимыми, пока тащат людей вниз. Странно, что ангелы не помогают людям, старающимся взобраться на лестницу. Не тянут их вверх. А только молятся за них. Люди слишком уж откровенно предоставлены самим себе.

Не пойму, золочен ли фон. Выглядит, как последний след моего золотого...

Большая черная голова, заглывающая грешников, кажется уставшей. Это утешает. Наглоталась, похоже. И теперь ей хочется спать. Клонит в сон и меня. Господи, помоги!

Неожиданно Мики стало душно в его комнате. И хотя в ней было совсем не жарко, он распахнул окно. Город все еще лежал во мраке. Лишь кое-где отдельные окна поблескивали слабым светом свечей. Кому-то и впрямь могло прийти в голову, что ад разинул свои огромные челюсти над Сербией. А свечи горят за упокой ушедших. Чудно, но эта параллель со свечами успокоила священника. В его комнате тоже горела одна.

Мики вернулся за столик и перевернул следующий желтый лист. Словно всегда читал только при свете свечи.

15 апреля

Кто бы ожидал, что все так разрешится.

Выброшенные на улицу, мы сидели на площади – я со своей книгой, которая мне сейчас служит как подложка для письма, а она со своим бесом. И рассуждали о том, можем ли мы вообще продолжать путешествие. Точнее сказать, рассуждал я один. Боялся, что она не захочет вернуться назад. Потев от вчерашнего вина, я применял все свои ораторские способности, чтобы убедить ее в том, что у нас достанет сил на эту авантюру. Уж в Сербии-то мы с голода не умрем. Кто тут умер от голода? А с ночлегом как-нибудь переберемся. Погода стоит теплая... Вероятность того, что турки дойдут до Моравы, закрывает нам этот путь, но мы ведь можем их обойти. По как можно более широкой дуге.

Наше путешествие, конечно, несколько удлинится, но спешить нам некуда... Едва ли она забыла наставления Германа и то, что нас ждет в Царьграде, в месте встречи.

Моя ледяная сфинга¹⁸ явно думала только о том, как бы меня проглотить. Спешка ее вообще не волновала.

Для пушей убедительности я решил пожертвовать одним из своих драгоценных листов бумаги. Я стал рисовать юго-западное направление пути, которым мы обойдем турецкое войско. Но мое чертежное мастерство ее не воодушевило. И все-таки я добился своего!

Вожатый каравана, готовящегося двинуться из Смедерево в Дубровник, направляясь к городскому таможеннику, остановился на мгновение как раз рядом с нами и, увидев мой чертеж, воспринял его как Божий знак!

Вожатому не хватало вооруженного сопровождения для перевозимого им ценного товара, и тут он наткнулся на человека, разбирающегося в картах, и размышлять долго не стал. Мы получили работу – в путь!

Хотя она продолжает источать ледяной холод, я уверен, что и она поняла – Бог с нами.

Вожатый вернулся. Похоже, он уладил с таможенником все проблемы, связанные с непроданным товаром, который нам предстоит вернуть в Дубровник. Торговцам не приходит в голову оставить свой товар туркам. Я немного подслушал разговор вооруженных присмотрщиков. Похоже, мы возем и приличное количество серебра, которое деспот запретил продавать в Смедерево. Из-за монетного двора. Сейчас, похоже, это больше никого не волнует. Кто знает, сколько сегодня торговцы извлекли из своих кошель на взятки...

И они идут с нами. Всеобщее бегство.

Один, с кучей черной бородкой, исчез куда-то на некоторое время, а потом вернулся – переодетый в платье бедняка. И о чем они все думают. Что, если на нас кто-нибудь нападет в пути, его первым не... Думаю, ничего не случится. С нами Бог.

Мне смешно, что мы возем и красители!

А вот сомовину нет.

---

¹⁸ Сфинга – букв. «душительница».

Пора трогаться в путь. Мы пойдем сначала в сторону Некудима, старого двора деспота. Мама рódная, и где же он находится? Мне, как картографу, следовало бы лучше знать маршрут. Помоги, Господи!

Мики аккуратно перевернул лист. Стараясь не повредить старые бумаги, он положил их лицевой стороной вверх. Слегка замедленно, как и пристало человеку, не спавшему всю ночь, священник взял бумаги из Гроцки и положил их рядом. Затем извлек дощечку и положил ее рядом с бумагами из Гроцки, и, наконец, не роясь в коробке, достал все остальные документы. Грубоватый, толстый, серовато-желтоватый лист, исписанный, как значилось в заголовке, в Коларах в 1737 г. Низко нагнувшись над получившейся экспозицией документов, Мики внимательно сравнивал почерк, ощупывал бумаги, выпрямлялся, чтобы посмотреть на них на расстоянии, при слабом свете свечи, снова нагибался. Не зная, какую бы еще процедуру экспертизы применить, он подносил бумаги к лицу и глубоко вдыхал воздух носом, как будто хотел засосать буквы прямо в свой мозг. Запах у всех стопок был одинаковый, немного затхлый. Одинаковыми были и язык, и необычное правописание. Но что удивительнее всего – похоже, что одинаковым был и почерк на всех документах, за исключением дощечки, на которой были высечены только большие печатные буквы.

Этот почерк не был каким-то особенным. Не красивый и не четко выписанный, без каллиграфических украшений и – вовсе не старинный. В нюансах он отличался в различных документах, и, тем не менее, неодолимо напрашивался вывод, что писал их все один и тот же человек. Определенно, это не почерк Дорогого Дьявола. Манера письма покойного соседа Мики была намного острее и нервозней.

Этот почерк был довольно обычным; где-то даже походил на почерк самого священника.

«Да, он, и правда, походит на мой почерк», – подумал Мики, и почему-то у него сразу похолодело сердце. В последнее время отец Михаило практически вообще не писал рукой. Все объявления в церкви он печатал на старой раздолбанной печатной машинке «Оливетти», а дома он давно уже пользовался компьютером в детской комнате. От руки он писал на листочках бумаги лишь какие-нибудь короткие записки. Большими печатными буквами, искривленными в спешке: имя усопшего, имя ребенка, которого хотели крестить, имя кума, имена тех, кто решил венчаться, оговоренное время отправления обряда и т. п.

Мики встал, подошел к комоду и взял чистый лист бумаги и авторучку.

Сложил лист бумаги, подложил на столик старую, частично порванную детскую книжку с картинками под названием «Приключения Шврчины» и в мерцающем свете медленно и почти что торжественно написал письменными буквами:

«Я – священник Михаило...»

«Господи, прости меня, грешного, это походит на начало завещания», – вздрогнул Мики и тут же отложил ручку.

Половинка белой свечи уже заканчивалась, а длинный фитиль потрескивал, завиваясь и выбрасывая то в одну сторону, то в другую слишком высокое пламя. По этой причине Мики опять поднялся и поискал в полумраке ножницы.

Подрезав фитиль, он снова сел за столик и, наконец, решился сравнить свой почерк с почерком на документах.

Почерки оказались очень и очень похожи.

«И все же они не одинаковые!» – громко заключил Мики и с облегчением отбросил записку.

Священник вздрогнул, поскольку не имел обычая разговаривать сам с собою. Вдобавок ему еще показалось, будто голос донесся из темного угла, за комодом. Из большой вазы в стиле Минской династии, в которой годами стояли сухие веточки вербы; но однажды они загнили и оказались в мусорной куче.

Внезапно Мики почувствовал себя совсем маленьким и одиноким. Огромные пузыри тишины вырывались из угла комнаты и наваливались на него, неслышно лопались, уступая место новым. Мики затошнило. Может, разбудить Веру? Но что ей сказать? То, что он прочитал, было ему известно и так. Только вот откуда?

Ощутив, как сильно забилося сердце, Мики схватил коробку и быстро перелистал остальные документы. Тысяча шестьсот какого-то – тот же почерк. Тысяча семьсот какого-то – тот же почерк. Тысяча девятьсот какого-то – тот же почерк... Везде один почерк!

Мики отложил коробку и снова схватил написанную им записку. А потом, почти обиженно, бросил ее на стол и бросился к телефону.

Но кому позвонить? Как лунатик, Мики раскрыл старую телефонную книгу с выпадавшими страницами. Отрешенно он пролистывал их, пока не наткнулся на номер Чеды и Звезданы. Чеда! Чеда поймет!

Мики набрал его номер. К телефону долго никто не подходил. Священник спохватился, что Чеда, скорее всего, спал. На улице уже занимался рассвет. Но в тот самый момент, когда Мики решил положить трубку, он услышал обезумевший голос Чеды.

– Да. Кто это?

– Чеда, это Михаило. Извини, что звоню в такую пору.

– Что случилось? – Чеда был в полной панике.

– Извини, я действительно должен был...

– Что ты наделал? – Паника Чеды стремительно нарастала.

– Ничего... Ничего страшного. Только... В общем, я открыл одну коробку.

– Коробку?.. Какую коробку?

– Ну, ту коробку, которую мне дал сосед Драги. Покойный... Он сказал мне, что в ней хранятся очень ценные бумаги, а я было подумал, что старик болтает глупости. Он взял с меня обещание, что я отнесу ее в церковь, а я совершенно позабыл об этом!

– А-а... А сколько сейчас времени? – По голосу Чеды можно было предположить, что он немного перебрал.

– Не знаю. Поздно... То есть рано... Извини, пожалуйста. Я должен был с кем-то поделиться. Вера спит.

– Ты совсем умом тронулся! Неужели нельзя было подождать до утра!.. У меня не работает лампа...

– Похоже, попали в электростанцию. Света нет во всем городе.

Чеда выругался.

– Ладно... Ну и? Что ты мне должен сказать посреди ночи?

– Я открыл коробку. Не знаю, как и сказать. Это действительно ценность. И не только ценность, но и... Чудо. Объяснить его нельзя.

Чеда глубоко вздохнул.

– А ты попробуй, Мики. Я на тебя надеюсь.

– Ну, в общем... Это записи, своего рода дневник или путевые заметки, что ли.

– И?

– Они все написаны одинаковым почерком.

– Да?.. – Выражением своего голоса Чеда напомнил Мики терпеливого отца, разговаривающего со своим недужным ребенком.

– Ты не понимаешь... Не понимаешь, о чем идет речь! Он путешествует во времени!

На том конце провода ничего не происходило.

– Ты меня слышишь?.. Чеда?

Чеда опять тяжело вздохнул.

– Я тебя слышу. Кто путешествует во времени?

– Не знаю. Я уверен только в одном: он путешествует во времени! Ты понимаешь, что это значит?

Еще один глубокий вздох на другом конце.

– А может, оставим этот разговор до завтра? Ты мне спокойно все расскажешь. А то меня сейчас клонит в сон. Да и тебе не мешало бы отдохнуть.

– Я не сошел с ума, божий человек! Ты вообще не понимаешь, о чем я тебе говорю!

– Признаю. Не понимаю.

– Это неоценимо! Как власть над временем!

Чеда опять немного помолчал:

– Намекаешь на какое-нибудь тайное оружие, как у Теслы?

Из-за иронии Чеды Мики разнервничался. Тайное оружие Теслы было той темой, что в годы кризиса в Сербии появлялась лишь в желтой прессе.

– Да, тайное оружие Теслы! И оно у меня здесь, в квартире. В старой коробке из-под рубашки! Загребской фирмы по пошиву одежды. И я не знаю, что с этим делать. И потому звоню другу, чтобы посоветоваться, а он... стебется!

Отец Михаило никогда не ругался, и это в общем-то обычное новое сербское слово прозвучало и для него, и для его друга весьма драматично. Оба задумались. Первым пришел в себя Чеда:

– Хорошо. Поутру сразу приду к тебе, и мы вместе посмотрим. Ладно?

И Мики немножко успокоился.

– Не знаю, уместно ли здесь. Я не знаю, стоит ли держать это дома. Я боюсь за детей! Понимаю, что это звучит параноидально, но Драги мне сказал, что из-за этого станет мишенью. И вчера вечером его действительно убили! В больнице. Ты слышал?

– Что? И он там пострадал?

Мики уже с превеликим трудом контролировал свои сумбурные мысли.

– Да. Вот скажи, откуда он мог это знать? Спросишь, где тут логика? И откуда они знали, что он там?... Наверняка Драги узнал что-нибудь важное. Он лишь сказал мне, что нужно установить сеть. И еще говорил что-то о том, что время и пространство не ограничены, а являются только задачей. А я сам, прости меня грешного, Господи, подумал, что старик не в себе. Драги Джавол... Можешь себе представить... А хуже всего то, что я это сейчас никому не могу отдать. Все еще не могу... Понимаешь?

– Не знаю... Ну и что ты предлагаешь?

– Я и сам не знаю... А, да! Завтра его похороны.

– Во сколько?

– В час. Но Новом кладбище.

– Хорошо. Давай так. Сейчас на часах... ничего не вижу в этой темноте. Ага. Двадцать минут шестого. Лучшее для нас сейчас – это выспаться. Когда закончишь с отпеванием, позвони мне, и мы встретимся. Можно у меня. Или в церкви... как захочешь. И тогда посмотрим.

Внезапно Мики почувствовал огромную усталость.

– А если сегодня ночью?

– Что – ночью?

– Если ночью что-нибудь случится?

– Мики! Отче!.. Выпись. Все будет в порядке. Завтра увидимся.

Держа трубку в руке, священник смотрел в открытое окно на небо, становившееся все светлее. Ему было тяжело продолжать разговор.

– Хорошо. Я тебе позвоню.

Положив трубку, Мики аккуратно сложил в коробку все документы и записи Дорогого Дьявола в том порядке, в каком они прежде лежали. В конце он положил в коробку и половинки

дощечки. Затем закрыл коробку и перевязал ее. Некоторое время он размышлял, в какое бы надежное место ее спрятать, но мозг отказывался работать как нужно. В итоге Мики убрал коробку туда, где она находилась раньше. Высоко на книжную полку. А потом закрыл окно.

С тех пор, как начались бомбардировки, Мики даже после бессонных ночей, ложась спать перед самым рассветом, не только быстро засыпал, но и, проговаривая краткую молитву, наслаждался Божией вездесущностью – как наслаждается дитя, убаюкиваемое на руках матери. И подушка ему казалась мягче, чем в детстве.

Но в то утро у отца Михаила, улегшегося под одеялом подле теплой жены, заснуть сразу не получилось.

Он был слишком уставшим, а тяжелые мысли, которые буравили ему в полусне голову, никак не хотели его отпустить.

«А что, если турки нападут именно сегодня ночью? Если нас сегодня ночью тяжелыми пушками сровняют с землей? Пришло ли время, сделал ли я все, что следовало, все, что мне Господь отрядил?» Мики широко открыл глаза и в полумраке увидел на стене вставленную в рамку туристическую версию раскрашенного египетского папируса, которую его родители привезли из поездки, оплаченной в кредит в более счастливые времена. «Турки... Какие турки? Не нападают на нас турки! Или они тоже на нас нападают! Кто на нас вообще не нападает?.. Немцы сейчас... нет – американцы! Они главные! Но и англичане, и французы. А они-то что? Да это не важно. Не пушками, а ракетами нас истребляют. Прямо с неба. Н-да», – довольно хмыкнул Мики и с облегчением прикрыл глаза.

Но стоило ему зажмуриться, как одна устрашающая мысль заставила его снова открыть глаза.

«Но у меня ведь дети! Как я могу вот так просто спать?»

Страх, который Мики ощутил впервые с начала бомбежек, заставил его распрямиться в постели.

«А что, если ракета попадет в половину квартиры? И разделит нас. Это самое страшное! Если кто-то погибнет, а кто-то выживет. Не страшно, если мы все обратимся в прах. Или на нас сбросят атомную бомбу, и все сербы в один миг... Смерть не страшна, Христос победил смерть. И всех нас ждет всеобщее воскресение при Его втором пришествии! Но почему до этого нам суждено быть разделенными? – полемизировал сам с собою сонный священник. – Опять же, а что, если мы не сумеем преодолеть разделение. Тогда – ад! Настоящий ад. Вечное разделение».

Почти совсем потерявший сон, Мики спустил ноги с кровати на ковер. Он сосредоточенно старался постичь невидимого Творца и Бога.

«Не то что я не верю Тебе, Господи! Я себе не верю – такому слабому. Боже дорогой! Боже милый... Но и Ты! Зачем меня таким слабым создал? Чтобы я ничего не напортил? Да, Боже? Но что я до сих пор сделал? Я так мало сделал, Боже. Прости меня. Опять же, нельзя сказать, что я совсем ничего не сделал. Довольно ли этого?..» – Мики опасливо покосился на керамических охотничьих псов на тумбочке. Как будто ожидал ответа именно от них – как уполномоченных Господа. Только все указывало на то, что псы подадут голос не скоро.

«Довольно черного!»

Обессиленный, Мики снова прилег на кровать. И глубоко вздохнул.

«Мне надо хотя бы установить сеть... как сказал мне Драги Джавол. Чтобы знать, что будет... И тогда я буду знать, что мне надлежит сделать. Помогите мне, Господи, направьте шаги мои, спотыкающиеся и неуверенные. Научи меня, Господи...»

Долго еще отец Михаил переговаривался так и с Богом, и с самим собой, и только совсем изморившись, он, наконец, заснул.

VI. Чомбе

Сосед попа Мики, Зоран Стошич, по прозвищу Чомбе, готов был умереть от муки, когда его телевизор погас.

Ветеран театра военных действий в Хорватии, на котором он в основном бродил по опустевшим селам, выполняя то один, то другой, прямо противоположный приказ, и в конце концов обморозился и с одним отрезанным яичком вернулся домой на заслуженную инвалидность, Чомбе сразу понял, что злодеи ударили по электростанции. А то, что его лишили возможности досмотреть фильм о каком-то американском декаденте, решившемся на операцию ради того, чтобы стать женщиной, он воспринял как личную обиду. Тем не менее Чомбе быстро сориентировался в ситуации. Он зажег свечу и включил старый потрепанный и поцарапанный транзистор, заготовленный как раз на такие случаи.

В ожидании новостей Чомбе выглянул в окно, чтобы немного поработать над повышением морального духа соседей. Он объяснил растерянному попу, что происходит в действительности, и оживил улицу патриотическими выкриками. Дождавшись, когда откроется несколько темных окон и из них вынырнут нечесанные головы, Чомбе еще раз выразил огорчение из-за варварских действий врагов и вернулся в комнату. Новостей об отключении электричества все еще не было. Жена Чомбе, Милка, которую злые языки в округе называли не иначе, как «бедняжкой», вынужденной работать в лучших домах, чтобы содержать и троих детей, и Чомбе (мужниной инвалидности не хватало даже на хлеб), спала на своей половине разложенной софы. Уставшая от работы, которой, правда, во время бомбардировок было меньше, чем в обычные времена, и привыкшая к шуму, устраиваемому по ночам Чомбе, Милка не просыпалась ни от взрывов, ни от бормотания мужа. Чомбе набрал несколько телефонных номеров. Поскольку взрыв был не в самом городе, его агенты в основном либо спали, либо сонно бормотали, как и сам Чомбе, но достоверно ничего не знали о том, что приключилось с электричеством.

Только у Радиши с Брда была интересная информация. Примерно через полчаса после отключения электричества пьянчуги и проститутки с железнодорожного вокзала в сопровождении цыган поднялись на площадь и учинили там хаос. В темноте, которую пронзал только свет разоженных на углях барбекю, начался невиданный разгул. Радиша клялся, что даже видел, как проституток кидали голыми, а пьяницы ползали по асфальту на коленях. К ним подъехала одна полицейская машина, но блюститель порядка, едва осветив фарами Содом, решил прикинуться глупым и поехал дальше. Радиша и Чомбе, цокая языками, озабоченно комментировали моральную пропасть сербского народа и слабость властей, которые явно не знали, как поступать с обезумевшими людьми. Чомбе раздумывал, а не пойти ли на площадь и лично удостовериться в рассказе Радиши, но ему претило одеваться в темноте.

В ожидании неминуемых новых взрывов Чомбе оставил окно открытым, отчего ему стало немного зябко. Постоянно испытывающий на себе последствия замерзания, Чомбе больше не хотел заигрывать. Он взял с кровати толстое одеяло с мотивом тигра в цветах, хорошо укутался в него и уселся в кресло рядом с транзистором. Приятное тепло одеяла, мерцающий свет свечи и гипнотический звук скрипящего транзистора быстро усыпили его.

Проснулся Чомбе перед рассветом.

Из транзистора разносилась староградская музыка. Чомбе показалось, что он слышит напряженный разговор, и он приглушил звук транзистора. Милка на кровати тихо похрапывала, но ее храп не мешал ему ясно различать, как кто-то говорил в доме напротив. Так и укутанный в одеяло, Чомбе подкрался к окну.

Голос доносился из-за единственного освещенного и открытого окна – попа Мики.

«Что это поп раскудахтался на рассвете?» – подумал Чомбе и присел на стул у окна, чтобы лучше слышать. Голос соседа-попа звучал очень возбужденно. Не разумея до конца, о чем шла речь, Чомбе, тем не менее, понял, что поп говорил о чем-то необыкновенно ценном и о власти над временем. Как раз это и было ему неясно. Но затем сосед повысил голос, и Чомбе услышал то, что ему ярко расцветило жизнь маслом.

«Да, тайное оружие Теслы! И оно у меня здесь, в квартире. В старой коробке из-под рубашки! Загребской фирмы по пошиву одежды. И я не знаю, что с этим делать. И потому звоню другу, чтобы посоветоваться, а он... стебется!»

Чомбе затаил дыхание. В ушах у него вдруг засвербело. То, о чем он слышал столько раз, оказалось правдой! Тесла действительно оставил проект тайного оружия. Но откуда он у обычного попа? И почему он не передал его властям? Очень странно. Отец Теслы тоже был попом, там, в Хорватии. Коробка прибыла из Загреба. Все сходится. Да и поп, похоже, – не настоящий священник. Наверняка это всего лишь его маска. Мики давно казался сомнительным Чомбе. Вроде бы вежливый и любезный, а такое впечатление, будто кол проглотил. С тех пор как Чомбе перебрался в эти края, несколько лет назад, они ни разу не поговорили по душам. Поп только собирал информацию, но никогда не делился взамен никакими сведениями. Матерый шпионище!

Еще и шпионская чуйка у него! Как будто понял, что его подслушивают. Понизил голос. Сейчас уже было совсем трудно разобрать, что он говорил. Да еще Милка со своим храпом! Чомбе приложил ухо к оконной перемычке.

И все равно ему удалось ухватить только обрывки разговора – о том, что поп-шпион боится за детей и опасается держать тайное оружие у себя дома. И еще о том, что кого-то убили накануне вечером.

«Бог знает, кто во все это замешан?» – подумал Чомбе. – «Какие шпионские сети гонятся за оружием, которое может решить исход и этой, и любой другой войны».

Поп тоже упомянул о какой-то сети. О шпионской, конечно, какой же еще! А потом сказал, что нужно кого-то похоронить. Замечают следы. Какая гениальная маска – священник! Чомбе не мог надивиться ни новостям, ни своей слепоте, застывшей ему глаза все прошлое время.

«В час на Новом кладбище» – эти слова Чомбе расслышал явственно. А потом лжесвященник пробормотал еще что-то и замолчал.

Еще несколько минут Чомбе, неподвижный и невидимый, держал ухо у окна, пока, наконец, не сообразил, что уловил лишь часть телефонного разговора и явно не услышит больше ничего. Кроме закрытия окна.

«Поздно ты догадался, голубчик», – довольно подумал Чомбе. И того, что он услышал, было более чем достаточно. Тайное оружие Теслы, или, скорее всего, формулы для того оружия, находились от него всего в каком-то десятке метров по воздушной линии. Образно выражаясь, на расстоянии вытянутой руки.

На четвереньках, волоча за собой одеяло, Чомбе перебрался назад в комнату и сел рядом с Милкой, которой от сотрясения софы начал сниться сложный сон. Будто бы она выиграла в лотерею приз. Путешествие в Пальма-де-Майорку. Но загранпаспорта у нее не было, и ее отправили туда нелегально в одном большом чемодане. А потом чемодан выбросили, и Милка превратилась в попугая и таким образом миновала таможеню. Затем нашла какой-то велосипед и ехала на нем по скошенным полям до самого моря, а там на пароме, рядом с прекрасным авто, один молодой полицейский с гитарой на плече, шевеля усами, глядел на нее «так» все время, пока судно колыхалось на волнах.

Как все необычно с этими снами. Всем известно, что многие сны вызывает то, что возбуждает спящего. Но мало кто смог бы объяснить, почему то, что вызвало сон – то есть сотрясение софы в Милкином случае – вместо того, чтобы отразиться в начале сна, почему-то оказалось в

самом его конце. И по каким-то неведомым законам, которым подчиняются сны, превратилось из сотрясения софы в колыхание судна.

Некоторые христианские писатели такую структуру сна используют в качестве символа парадоксального христианского опыта жизни во времени. Конец истории, второе пришествие Христа, то есть последнее событие будущего, определяет историю, которая по неизменной стреле времени скользит к своему, уже известному христианам, смыслу.

Чомбе не слышал про христианских авторов и понятия не имел, что колыхается в сонной Милкиной голове. Его это и не волновало, хотя, если бы он знал, то наверняка сильно бы разозлился из-за того молодого полицейского. Чомбе напряженно размышлял о том, как ему лучше распорядиться неожиданным шансом, преподнесенным ему, прямо скажем, на блюдечке.

Заявить о нелегальном владении тайным оружием Теслы в полицию? Нет, этот вариант явно никуда не годился.

Чомбе считал, что полиция коррумпирована. Да и вообще, если бы власть чего-то стоила, она бы не допустила всего того, что случилось. Кто завладеет оружием Теслы, тот обретет и власть на Земле. В то же время один он не проглотит такой большой кусок. В одиночку ему не справиться со всей шпионской сетью, с этими могущественными попами и всеми прочими.

Лучше всего – сообщить об этом партийцам. Но нужно быть предельно внимательным, чтобы кто-то другой не вмешался и не снял сливки вместо него.

«А-а, Зоран больше не даст себя облапошить», – прошептал он сам себе, ошетинившись. И с удовольствием начал строить картины будущего. Себя Чомбе видел заместителем председателя партии... А со временем, быть может, он станет и председателем. Почему бы нет? Председателем партии... и не только партии... А что? Чем черт не шутит?

«Самое важное – быстро среагировать», – как будто диктуя своему внутреннему секретарю, Чомбе пресек свои фантазии. Главное – великая ответственность, которая сейчас возлагалась на него. «А о славе и чести будет время порассуждать», – подумал он, крайне довольный своей собственной мудростью.

На улице рассветало. Рассвело и на сердце у Зорана Стошича, по прозвищу Чомбе, ветерана проигранных войн. После всех военных поражений, после инфляции, которая съела все его сэкономленные средства, а Сербию опустошила, после общенародного морального падения и личного невыносимого ощущения беспомощности из-за осознания того, что он ничего не может изменить – неожиданно перед его глазами в полном свете появилась цель.

VII. Колары

Колары, 12 мая 1737 г

Дней десять тому назад мы после блуждания по лесу, оголодавшие и грязные, только в нижнем белье, добрались, наконец, до долины. Разглядев первые дома сквозь ветви деревьев, полностью оголенных прожорливыми шелкопрядами, мы понадеялись, что нашим мукам пришел конец.

Пока мне слезы застилали глаза, я с благодарностью поцеловал книгу, нас спасшую. Из-за некоего суеверия или по какой иной причине, но только лесные бородачи, заметив книгу, которую мы носили с собой, решили нас больше не третировать, а отпустить восвояси, предоставив нам возможность, в меру наших сил и знаний, самим найти дорогу до первого селения. К сожалению, их суеверие не простиралось до того, чтобы вернуть нам хотя бы часть вещей.

На входе в запыленное придорожное поселение нас поджидала смущающая картина. Посреди дороги стояла сломанная деревенская повозка, к которой был привязан блохастый черный пес с невыносимо грустными глазами. Привязанный к дышлу, он походил на несчастную жертву злобной ворожбы. Княжеский конь, превращенный в паршивого пса. Когда мы приблизились к нему, полный надежды пес приподнялся и – закашлял! То не был сильный кашель, бедняга просто хрипел. Не как пес, не как конь, а как человек.

Голод может быть полезным для подавления грубых страстей и духовного совершенствования, однако зачастую он развивает в человеке эгоизм. Мы не озадачились тогда ни здоровьем черного страдальца, ни генезисом возможных колдовских чар, которые довели его до такого состояния, а лишь ускорили шаг, предвкушая отведать печеной воловины или хотя бы овсяной каши. К величайшему нашему удивлению, все поселение оказалось совершенно пустым. Нигде ни души!

Сначала мы выкрикивали хозяев у изгородей, только поглядывая на закрытые двери низких домов из плетеного ивняка. Лишь у десятого дома мы решили войти во двор и постучать прямо в двери. Опять тишина. Обуреваемые первыми предчувствиями, мы прошли к следующему дому, а потом еще к одному. Нигде никого. Ни курицы, ни поросенка, ни ягненка. Лишь несколько воробьев вспорхнули перед нами к соломенным кровлям.

В центре селения мы наткнулись на небольшую серую мечеть с крестом на куполе. Мы вошли в нее. Внутри мечеть была оформлена как церковь. Был там и маленький иконостас, только в нем зияли дыры от снятых икон.

Совершенно обессиленные, мы вышли на сверкающее солнце и безнадежно осмотрелись вокруг. На пыльной площади подле мечети-церкви расположился старый фонтан, из которого текли три струйки воды. Каменные украшения, напоминавшие римские барельефы, сильно подпортились.

Мы молча подошли к фонтану, умылись и напились воды. Немного вернулись к жизни. Когда вода булькает в животе, голод ощущается меньше. Но недолго.

Дальше по дороге мы увидели стены небольшой крепости из дерева и глины. И эта крепость также казалась заброшенной. Боковая стена была довольно сильно повреждена. Не знаю, кому первому – ей или мне – пришла в голову идея вторгнуться в какой-нибудь дом, чтобы посмотреть, в чем, собственно, дело.

В какой-то момент я задрожал, подумав о чуме, но своей измученной спутнице я ничего о том не сказал. Голод был сильнее черных мыслей.

Мы выбрали дом, крытый черепицей, который был чуть побольше и покрасивее всех остальных. Дом этот смотрел прямо на улицу. Перед ним не было маленького двора с плодовыми деревьями, как перед другими домами, а слева от дверей на месте окошка красовался большой деревянный ставень.

Мы ворвались внутрь и поняли, что этот дом служил магазином. Повсюду были опустошенные полки, а слева через открытую дверь виднелись сени, покрытые большой крышкой, шириной более двух метров. Когда магазин открывался, та крышка поднималась и опиралась на толстую деревянную жердь, а хозяин сидел внутри, окруженный копченым мясом, яйцами, мешками с мукой, сушеными маслинами и персиками... Но ничего этого больше не было. Кто-то скупил все товары. И только маленький мучной след указывал на недавнее изобилие еды.

Моя стройная, но немного оголодавшая красавица скользнула вниз по стене и села, готовая расплакаться.

Я не хотел так легко сдаваться. И продолжил бродить по дому, но кроме досок, одного проломленного сундука и изъеденного молью ковра не нашел ничего. Дом был полностью опустошен.

Я вышел на улицу и наведалься в соседний дом. И он был пустым. Пустыми оказались и еще несколько осмотренных мною домов.

Где-то с час мы сидели в приятной прохладе бакалейной лавки и молчали. Я то и дело бросал взгляд на красивое, но измученное лицо моей милой. Правду говорят, будто страдание красит людей. Особенно женщин. Если бы она время от времени не пощипывала нервными ногтями свою нижнюю губу, можно было бы подумать, что она совершенно спокойна. Неожиданно ее поведение показалось мне необыкновенно изысканным и утонченным. Даже пощипывание губы. Я испытал огромное искушение нарушить тишину и посватать девушку, преданную мне судьбой на милость и немилость, но все же посчитал это желание несколько поспешным, даже дерзким. С улицы доносилось непристойно веселое чириканье воробьев. «Чем они кормятся в этом призрачном селении?» – подумал я. А потом мне, наконец, пришла в голову одна вполне логичная идея.

Я встал и медленным шагом двинулся на улицу. Не смотря в сторону симпатичных пичуг, чтобы их не всполошить, я подобрал с земли несколько красивых камешков. Решив воспользоваться преимуществом неожиданности, я вкопал ноги в пыль, вытянулся как лук и начал как оголтелый кидаться камнями в их направлении. Не так-то легко попасть в воробья, и прошло достаточно времени с тех пор, как я пытался сделать это в последний раз. По правде говоря, я и не помню, преуспел ли я когда-нибудь в таких попытках.

– Ты спятил? Что ты делаешь? – обеспокоенно глядя на меня, моя бледная красавица со спутанными тонкими волосами замерла, прислонившись к дверному косяку.

Я только подал ей рукой знак, что все в порядке, и начал собирать новый запас боеприпасов. Слоняясь вокруг да около, как потрепанный кот, у которого урчит в кишках, я несколько раз пытался подкрасться к дичи, ускользавшей от меня вниз по улице. Ох, как же меня унижали эти воробьи! Стоило мне выпустить свои смертоносно безопасные ракеты, как они тут же вспархивали на крышу или на дерево, а когда я нагибался, чтобы набрать еще камней, они безобразно вызывающе снова слетались на дорогу. Причем совсем недалеко от меня. Моя единственная – действительно единственная в призрачном селении или городке (даже не знаю, как правильно назвать эту запыленную придорожную метрополию с тремя десятками домов) – с досадой удалилась обратно в дом.

Впрочем, со злости, которая меня обуяла, я смог хоть чего-то добиться своим полчасовым скаканьем и бранью, а именно – звонкого смеха, которым она встретила меня, потерпевшего полное фиаско и приниженного, после незадавшейся охоты.

Мы тщательно осмотрели все дома. От выбивания дверей у меня разболелась нога. Еду мы так и не нашли, но зато из нескольких брошенных или забытых кусков материи сделали оригинальные евровосточные костюмы.

Солнце близилось к закату, и мы решили пораньше лечь спать – в бакалейной лавке, куда мы притащили два соломенных тюфяка сомнительной чистоты и, вероятно, населенных местной мелкой фауной.

Мы так надеялись, что утро принесет нам чудесное избавление. И в какой-то мере наша надежда оправдалась.

Нелегко засыпать голодным, но усталость в том – добрый помощник.

Когда я проснулся, моя красавица еще спала. Я глядел на нее, не двигаясь, чтобы малейшим шевелением не потревожить ей сон. Как хорошо, когда ты не один и тебе есть чей сон беречь! Когда она, наконец, потянулась и открыла глаза, мы встали, на некоторое время тактично разошлись по туалетам соседних дворов, умылись в нашем трехструйном фонтане, а потом отправились на охотничью прогулку по призрачному селению.

Мы не увидели ничего нового. В какой-то момент мы вспомнили про замороженного пса и решили его вызволить. Пока мы его отвязывали, бедолага повизгивал от счастья. И я не смог удержаться от того, чтоб не погладить его по спине. А пока я раздумывал о том, стоило ли мне сразу пойти и вымыть руки, пес умчался в сторону домов. Он забежал в один из дворов и растворился там.

А ведь пес наверняка сумеет что-нибудь раздобыть для себя. Змею, лягушку... Размышляя об этом, я не замечал луж на дороге.

С мечтами о лягушачьих лапках я вернулся назад.

Она предложила мне двигаться дальше.

Эта идея не вдохновила меня. Хотя мы недавно встали, меня уже одолевала усталость от голода. А сколько идти до следующего селения – неизвестно. И что, если оно тоже покинуто?

Мы застыли посреди улицы, не зная, что предпринять. Потом снова вернулись в бакалейную лавку и сели. Мои глаза смыкались от сонливости. И только надоедливые мухи мешали мне заснуть. Куда делся весь местный люд? Мой взгляд упал на нашу книгу-спасительницу. Я взял ее в руки и раскрыл наугад. Трудно читать старые письма, да и слова в ней слиты воедино – не разберешь, где конец слова и предложения. А если в эту путаницу вкрапляется еще и совершенно неизвестное слово, то вообще мало что понятно. Немного помучившись, я вдруг с изумлением осознал, что раскрыл книгу именно на странице, на которой начиналось глава «О чреве – плохом господине, которого, тем не менее, все любят».

Пропустив вступление, я наткнулся на часть, в которой говорилось: «Когда заявляется гость, раба своего чрева чревоугодие подвигает на любовь. Он думает, что гостеприимство, которое он должен выказать брату, оправдывает и его готовность наброситься на еду и вино. Под видом сокрытия добродетели он становится рабом страсти...»

Я зашелся беззвучным смехом – таким, который у усталого человека может длиться до тех пор, пока не заболит живот.

Моя единственная глядела на меня со смесью разочарования и смущения.

В дверях неожиданно пролаял черный блохастый пес. А потом, повизгивая, он вдруг засуетился на пороге. Выбежал, но снова вернулся и залаял. А потом опять начал повизгивать. Откашлялся и снова выбежал. И пес тоже меня рассмешил.

– Пошел сплюнуть! Мы должны это увидеть!

Мы двинулись за блохастым. Особо не спешили, а он вел себя довольно нетерпеливо. Возвращался за нами и опять устремлялся вперед. Завел в один двор и забежал за дом. Мы последовали за ним. Миновали кучу сухого хвороста и зашли в кусты и крапиву в глубине двора. Блохастый залаял и снова закашлялся. Он остановился возле чего-то, что мы не могли

рассмотреть, пока не раздвинули кусты. И – о, чудо! Из кустов на нас глядел довольно большой пегий поросенок. Скорее даже, маленькая свинья.

Нелегко убить поросенка. И мне неприятно вспоминать, как мы его забивали жердями и камнями, и как потом я ему куском жести пустил кровь и извлек смердящую утробу. Когда мы, наконец, нанизали его на вертел, я был весь в крови. Разведение костра, кипячение воды в расколотом медном котле, ошпаривание поросенка – это уже было более простым делом. Я нашел в одном дворе вилы, камнями вбил их в землю и закрепил вертел. В переднем дворе дома, соседствующего с бакалейной лавкой.

Осталась только философия. И глотание слюнок.

Близился полдень. Поворачивая вертел, я, преодолевая себя, поглядывал на воробьев. Блохастый дремал подле меня, а она сидела чуть подальше. Прислонилась к стене дома и что-то записывала в свою тетрадь. Поросенок еще даже близко не походил на обед. Запекаемый поросенок сначала приобретает нездоровый желтоватый оттенок. И человеку нужно хорошенько запастись терпением, чтобы дожидаться, когда животинка на вертеле начнет поджариваться. На все требуется терпение.

В какой-то момент блохастый резко вскочил на ноги. Отбежал к плетню и залился истеричным лаем.

Я оставил вертел и подошел к плетню.

По дороге в Колары неспешно въезжали четыре всадника.

Рядом с ними бежал большой пес.

Что-то мне не захотелось им махать. Я немного обрадовался и вместе с тем немного испугался. Но всадники меня все равно увидели. Один из них показал рукой на меня спутникам, и они медленно подъехали ко мне.

– Бог в помощь, хозяин! – поприветствовал меня, спешившись, самый старый из всадников. Я что-то сконфуженно пробормотал о том, что Бог помогает, но я тут – не истинный хозяин.

Четверка всадников была довольно колоритной. Первое, что бросалось в глаза, – их высокие, необычные головные уборы, с загнутым широким ободом из которого выступал более узкий высокий цилиндр. К цилиндру пожилого всадника, представившегося гайдуцким капралом Стойко Шашией, было прикреплено довольно большое, но обтрепанное перо. На мундирах всадников красовались такие пуговицы, что я не смог удержаться и начал их пересчитывать. Все не пересчитал, но про себя отметил, что на мундире высокого худошавого всадника не хватало трех пуговиц, а на мундире резвого и пылкого всадника на вороном коне отсутствовало две пуговицы.

– О, да тут запекают поросенка! Какой-то праздник, хозяин? – Стойко Шашия просунул в плетень свое округлое лицо с тонкими седыми усиками. И как старый кавалер приподнял шляпу, приветствуя хозяйку.

Я опять начал что-то мямлить. Мне никогда не доставляло удовольствия общество вооруженных людей в униформе. Что уж говорить, когда униформа такая необычная или, точнее сказать, импровизированная. Из-под расстегнутых австрийских мундиров проглядывали атрибуты встречи разных цивилизаций. Турецкие или немецкие штаны, рубашки, вязаные или нет, но в основном грязные, на ногах сапоги или опанки¹⁹ – как у кого. Оружие разное и множественное – холодное и огнестрельное, висящее на ремнях и заткнутое за пояс. Я даже задался вопросом, как им вообще удастся скакать верхом со всей этой поклажей.

Несомненно, лучше всего было предложить им присоединиться к нам, что я и сделал. Извинился, что кроме мяса у нас больше ничего нет – ни хлеба, ни питья, на что они, смеясь, переглянулись.

---

¹⁹ Сербская национальная обувь из мягкой кожи с характерным заостренным и загнутым к небу мыском.

– У нас нет даже соли, – добавил я. Вздоражило меня то, что тот резвый и пылкий всадник, которого звали Атанацко, бросал взгляды на мою драгоценную. Что, если сразу достать из бакалейной лавки книгу – может, и сейчас она поможет?

Слова о соли приподняли всадникам настроение. Они здорово посмеялись. Даже худощавый, у которого с лица не сходило брезгливое выражение и который постоянно покашливал и вытирал свои свисающие, черные как смоль усики.

– Э, вот что значит не закупить все вовремя, – капрал Стойко лукаво обернулся к спутникам. – «А умеете сетовать, что три оки²⁰ слишком много. Умеете...» Он погрозил мне пальцем и, приказав худощавому отвести коней в прохладное место, вошел во двор. Животом вперед, как маленький толстый павлин. Павлин с одним пером.

Я ничего не понял насчет соли. Худощавый завел коней во двор. В большие ворота, если так можно назвать две длинные жердины, которые он сбросил, чтобы кони прошли. Всадники ни о чем у меня не спрашивали, а называли «хозяином». Неудобно.

Они расселись рядом с поросенком, на травке, в прохладе.

Их пес – похоже, отпрыск графини борзой и обычного дворового пса – прошмыгнул раньше всех и суетливо обнюхивал двор, разыскивая блохастого, который между делом куда-то исчез.

Хотя я о доме, во дворе которого мы запекали поросенка, знал не больше гостей, мне все-таки пришлось разыгрывать роль хозяина. Я лебезил перед ними и извинялся за то, что мне нечем их угостить.

– Сторит твой поросенок, – Атанацко переключил свое внимание с моей невесты на поросенка. Запаниковав, я подбежал к вертелу и начал его крутить.

– Не спеши, хозяину не пристало бегать! – У Стойко с его выпендренным юмором не было шансов оказаться в числе дорогих мне образов, хотя я сомневаюсь, чтобы это имело для него какое-то значение.

Когда мы расселись, гайдуки достали флягу с ракией – немного взбодриться, пока готовится поросенок. Как меня проняла ракия на голодный желудок! Я закрутился вместе с вертелом и радостно согласился, когда Атанацко предложил меня заменить. По его словам, он был мастак на любое жаркое.

– А село-то пустое, – наморщил губы Стойко.

Наивно подхватив тему, я выказал сильное удивление тому, что все люди куда-то подевались. Гайдуки опять переглянулись.

– И ты, конечно, не знаешь, куда они делись... – подал голос и гайдук с толстыми сросшимися бровями; позднее я узнал его фамилию – Маджаревич.

– Откуда мне знать. Мы только вчера сюда пришли... Встретили нас разбойники в лесу...

– Значит, ты не из этого села? – поймал меня на слове Стойко, снова загадочно улыбаясь остальным.

В моей голове вертел и дальше неспешно крутился. Решил, что было бы глупо пытаться объяснить им все наше путешествие, я довольствовался лишь тем, что охарактеризовал нас, как двух путников.

– Все ушли, а только вы остались!.. Вы – путники, а они путешествуют? Так выходит? – Все больше потешался Стойко.

Единственным человеком, которого, казалось, ничто не забавляло, был Маджаревич. Он уставился на меня, не отрывая глаз, как будто ожидая, что я ему в чем-то признаюсь. В чем – мне никак не приходило в голову.

Сначала потерялся блохастый, а теперь и моя невеста куда-то исчезла. И от этого я не становился спокойней.

---

²⁰ Ока – старая мера веса, 280 кг.

– Эй, как там тебя, у тебя взаправду нету соли? – проговорил Атанацко, не отводя взгляда от поросенка, которого буквально пожирал глазами.

– Нету. Откуда ей быть у меня?

– Хорошо же ты осолился с твоими тремя оками, – вставил Стойко. Он выглядел все более довольным. Но уже начал меня немного нервировать.

Только тот худощавый, которого гайдуки звали Чабаркапой, не проявлял никакого интереса. Ни ко мне, ни к поросенку. Он лежал в траве и курил трубку на длинном чубуке. Время от времени покашливая.

Атанацко спросил Чабаркапу, где тот оставил переметные сумки, и зашел за дом, попросив меня снова занять место у вертела.

Стойко, наконец, растратил свой репертуар шуток и перешел к сути.

– Видишь ли, дела обстоят так. Ты должен платить контрибуцию – и обычную, и военную. И тут мы шутить не будем. Война почти началась. Потому-то мы и приехали чуть ранее. В Земане уже собирается войско. И царев зять прибыл. Значит, нечего и обсуждать. Пять форинтов – обычная контрибуция, и житом и мелким скотом – об этом мы договоримся. Атанацко тут, так что мы оценим. Скот подлежит описи... Этот поросенок успел на последний поезд, – если бы не неподвижный взгляд, Стойко со своим круглым лицом производил бы впечатление добряка, особенно, когда улыбка приподнимала его щечки.

– Дай-ка я, – Атанацко, конечно, не думал платить вместо меня контрибуцию; он лишь хотел взять вертел и посолить поросенка щепоткой соли, которую принес из переметной сумки. Я переместился на сухой хворост рядом. Он немножко кололся, но гораздо больше меня кололи слова Стойко.

– О десятке и заморачиваться не будем. Это даже не оговаривается. Учти! – Праведный Стойко поднял маленький толстый кулак. Пропарив какое-то время перед моим измученным взглядом, он вдруг резко опустил на землю. Стойко заметно посерьезнел. – А если ты нам честно скажешь, где они все попрятались, мы не возьмем с тебя расписку о соли, – он ударил рукой по земле и заглянул мне еще глубже в мозг. – Да и Атанацко чуток зажмурится, когда будет производить опись. – Стойко снова ударил кулаком по земле.

– Слава Богу, – держа поросенка над огнем, смертельно серьезный Атанацко ненадолго встрял в разговор, чтобы подтвердить, что он действительно зажмурится. Ради пущей убедительности он даже по-настоящему зажмурился.

– Да, и вот еще что... Мы не будем придирааться из-за того, что ты нарушаешь монополию на приготовление ракии...

– Какая еще ракия! Это ведь ваша ракия! У меня нет никакой ракии! – взвизгнул я, держа в руке флягу, которую мне дал Маджаревич.

Я сильно удивился, когда Стойко резко приподнялся и отскочил от земли, как мячик. Необычная способность для его лет.

– Э, негоже так. Ты его крестишь, а он пердит!

Должен признаться, что я буквально обомлел от страха. Со всех сторон меня окружали их ружья и пистолеты. Маджаревич дырявил мечом землю, Чабаркапа вообще производил впечатление хладнокровного убийцы, а Стойко я вообще не мог понять – только видел, что он намеренно меня расстраивает.

– Так не пойдет, сынок! Я сюда приехал не для того, чтобы есть этого поросенка и болтать с тобой целый божий день! Меня ждут и другие дела. Нам надо объехать четвертую часть страны... Как сговорились господа Млатишума и Кеца с немцами. И это за три недели! Всего три недели! – Стойко для наглядности оттопырил три пальца. – «Война будет, война будет – поспешать надо, Стойко!» Я не дитя малое, чтобы носиться туда-сюда. Когда я гонял турок по Сербии, ты еще в пеленки писался! А знаешь ли ты, какова моя плата? Знаешь, я тебя

спрашиваю! – Из его глаз сверкали молнии. Или это были отблески от горящих углей под поросенком?

– Не знаю...

– Не знаешь... Десять форинтов в год! Эй, слышишь? Десять форинтов! И что мне с ними делать? Я на них могу купить три таких поросенка, ну, может, четыре... И я не хочу, чтобы мне каждая деревенщина мозг...

Стойко резко успокоился. Не приличествовало ему поддаваться таким приступам эмоций. Гайдук затянул мундир и выдохнул.

– Ты скажешь нам, где сельчане, или нет?

Я хотел было встать, но мне показалось, что лучше остаться в подчиненной позе наседки на ветвях. И вести себя тихо и учтиво.

– Я не знаю, люди... Я сюда пришел вчера и никого здесь не нашел.

– Атанацко? Оставь этого поросенка, возьми прихода-расходную книгу и подойди сюда!

Атанацко передал вертел Маджаревичу, который нахмурился так, что его брови загородили глаза. Ладно хоть не слились с усами.

– Сейчас мы сделаем все по правилам! И посмотрим... – Стойко героически справился со своим бешенством и сейчас стоял передо мной как самая правда.

– Пиши, Атанацко!

– Сей момент, господин капрал, только открою чернильницу, – засуетился Атанацко.

Чабаркапа пугал меня больше всех. Своим отсутствующим видом, с которым он курил свою трубку. Я принимал его за судебного исполнителя. Пока он лежал и покашливал, было еще не так страшно. Да и пес, аристократский байстриук, лежал спокойно сбоку от него. Пожалуй, он единственный, кто меня не пугал. Смирная морда. А где блохастый? Я почувствовал себя одиноким. И моей невесты не видать. Неужели побежала за помощью? Да за какой еще помощью? Хоть бы блохастого привела!

Записав мое имя, отчество и фамилию, гайдуки установили, что меня нет в списке жителей селения Коралы.

Увы, это не только не помогло мне выпутаться из глупой ситуации, как я было понадеялся, но поставило в еще более глупую. Стойко и Атанацко просто вписали меня в графу «Новопоселенцы». Атанацко, на человечность которого я так беспочвенно полагался, начал задавать мне конкретные вопросы.

Когда я заселился? Я пришел сюда два дня назад, но не заселялся, поскольку намереваюсь идти дальше. Ага, я намереваюсь двинуться за остальными. Значит, знаю, где они. Нет, я иду своим путем. Каким путем? Точно не знаю, я иду в Царьград. Бегу в Турцию? Не бегу, не интересуют меня ни турки, ни... Царь? Ни царь. Отвергаю покорность царю? Да нет, не отвергаю. И вообще не понимаю, о каком царе идет речь. Сколько у меня скота? У меня его вообще нет. А откуда у меня тогда поросенок? Я его нашел. Где, на дереве? Удался ли урожай в этом году? Так, я должен перестать лгать и вести себя, как подобает перед царевыми представителями. Сколько зерна у меня осталось? У меня нет, да и никогда не было зерна. А что я готовлю на «славу»? Рис? Где у меня расписка на соль? У меня ее нет! Ага! Так мы и знали. У кого я купил соль? А знаю ли я, какой штраф за это полагается? Не знаю. Узнаю. Когда я последний раз пек ракию? Не помню, давно это было. Как давно? Еще с дедом, я тогда ребенком был. Дед пек? Понятия не имею. Значит, нет. А есть ли у меня расписка в том, что я внес мартовскую контрибуцию? Нет. Тогда я должен дать десять форинтов. Откуда они у меня?

Атанацко умолк и начал вытягивать шею влево-вправо. Стойко посмотрел мне в глаза, а потом положил руки на спину и начал обходить меня.

– Ладно, сынок... А знаешь ли ты, что тебя сейчас ждет?

Человеку в этой стране иногда бывает нелегко сказать «не знаю». Возможно, потому что он всегда предвидит ответ, пусть и неясно. И все же я сказал:

– Не знаю.

– Ну, как тебе сказать... – Стойко начал поглаживать усы. А Чабаркапа засмеялся!

– Может, приведем какого-нибудь свидетеля из гарнизона. Чтобы все было по правилам, – проговорил Маджаревич, который словно бы чуток оцепенел от кручения вертела. Он явно не чувствовал поросенка, как Атанацко или я. Вертел его слишком быстро.

Стойко выпустил из рук усы:

– В самом деле... Где немцы?

Я устал от вопросов, ответы на которые не знал. И глубоко вздохнул:

– Не знаю.

– Ничего-то ты не знаешь! Уж больно ты мне подозрителен... – Занятый новой темой, Стойко встревожился. – Как такое может быть? Пустое селение! Ни одного воина... И как это я раньше не озадачился этим?

Я готов был поцеловать проплешину в бороде надоедливому Маджаревича. Благодаря его упоминанию о гарнизоне, я получил передышку.

– А может, он – турецкий шпион? – неожиданно подал голос Чабаркапа.

Четыре пары глаз, не мигая, уставились на меня. Я почувствовал себя, как девочка-подросток в кабаке.

– И расписки на соль у него нет, – продолжил Чабаркапа.

Я был уверен, что они меня убьют. Не сходя с места.

Стойко снова собрал все нити в свои толстые руки:

– Приведите сноху!

Я искренно пожелал, чтобы она убежала, хотя меня это в известной мере и опечалило бы. Но она не убежала. А лишь ушла в бакалейную лавку, так как это мужское общество ей было неприятно. Необыкновенно разборчивая девушка.

Она явилась с книгой в руке. Я понадеялся, что опять произойдет какое-то чудо. Однако гайдуки не страдали лесными суеверьями. На предмет, не входящий в инвентарь сербского дома, они отреагировали только как на еще одно доказательство нашей сомнительности.

Когда они и ее начали расспрашивать на некоторые из тем, что опустошили мою довольно большую голову, она реагировала с презрительным отворачиванием на все их глупости. Они отобрали у нее книгу. Из мести. Или из-за того, что это была единственная ценная вещь, попавшая им на глаза. После короткого совещания гайдуки отвели нас в бакалейную лавку. Они решили, что сени при закрытых дверях – лучшее место для нашего заточения. Его легче всего было контролировать. По пути я получил несколько тумаков, но даже не попытался противостоять. Моя жизнь была продлена, и я был благодарен за то судьбе или Богу.

Со стороны напротив дверей сени имели только одно окошко с железными прутьями крестом. По-видимому, бакалейщик пробил это окошко для того, чтобы летом бы какой-никакой сквозняк.

Глубина сеней была не больше метра. Чтобы мы вдвоем смогли улечься на солому, которую нам великодушно бросили наши церберы, нам пришлось прижаться друг к другу. Пока снаружи гайдуки заколачивали балки, чтобы мы не смогли приоткрыть крышку, через окошко к нам залетал запах поросенка. Только он еще не был готов. А я был настолько уставшим, что позабыл и о голоде, и о невесте, которая, подперев подбородок согнутыми коленями, сидела у моих ног. И просто забылся тяжелым сном.

Голод, превысивший определенную меру, начинает воздействовать на человека успокоительно. Мы дремали весь день. Даже не разговаривали много. Лишь время от времени перекидывались словами. И опять я чувствовал себя так спокойно и радостно, словно мы всегда и навсегда были вместе. Две половинки одного меня. Запертые в бакалейном гробу, мы потихоньку привыкали к нашему новому месту пребывания и даже справить нужду выходили все

реже и реже. Если бы нас оставили в покое, быть может, мы бы наполнились какими-нибудь высшими знаниями, присущими настоящим аскетам.

Картины, которые вертятся в голове у сытого человека – плоды воспоминаний или желаний – совершенно поблекли. Недвижный, я мог долго смотреть на балки потолка, оценивать их структуру, пересчитывать мух на стене или изучать взглядом крупные желтые пятна на известке и воспринимать все это как активную, занимающую меня деятельность.

Через большую деревянную крышку сеней до нас несколько раз доносилось собачье повизгивание. Думаю, что это был наш Блохастый, а не их псевдоборзой кобель. Мы никогда больше не видели Блохастого.

То ли потому, что им было скучно, то ли потому, что им захотелось побыстрее разрешить неоригинальную ситуацию, которую они сами же и создали, но только каждый час к нам врвался один из наших тюремщиков с новыми угрозами, запугиваниями, предложениями и новостями.

Нас оповестили, что немцы вернулись. Что дюжина солдат со знаменщиком отправилась в погоню за разбойниками, которые перекрыли движение транспортов на дороге, ведущей к Паланке Хасан-паши. И что они трое суток играли с ним в догонялки без всякого успеха.

И немцы удивились, обнаружив Колары обезлюдевшими. Они твердят, что перед тем, как им тронуться, местные жители при помощи двух оставленных в Коларах караульных взломали склад и собрали провиант, который там нашли. Собрали они и амуницию.

Караульные испарились вместе с местными жителями.

Один раз пожаловал к нам и немецкий офицер – подключиться к процессу. Но он лишь брезгливо оглядел стены и солому, на которой мы лежали, на несколько секунд задержал взгляд на наших лицах, пожал плечами и удалился.

Стойко и Маджаревич приготовили нам и небольшое представление. Театральные элементы присутствовали во многих предыдущих выступлениях Стойко – например, когда он насмешничал с поросычьими ребрышками и ножкой в руке. Но поскольку то софистицированное мучение не вызвало в нас отчаяние, капрал решился разыграть более сложное драматическое действие. Стоя за приоткрытой дверью, гайдуки тихо разговаривали о том, что бы они могли со мной сделать.

– Даже не знаю, какое еще дознание ему учинить... Лучше всего ему сначала поломать на руках пальцы. Или, может, на колесо...

– Где мы найдем колесо? – подал голос надежный и серьезный Маджаревич.

Стойко что-то пробормотал, а потом глубоко вздохнул и медленно, слово за словом, чтобы ясно было слышно, сообщил Маджаревичу, что все-таки вынужден будет меня повесить. Ведь им скоро снова трогаться в путь.

Только на мгновение мое успокоенное тело пронзил страх. Моя ненаглядная посмотрела на меня широко раскрытыми глазами. К нашему облегчению, Стойко не сумел выдержать роль. Описывая, как хорошо я смажу веревку и как они будут дожидаться под виселицей, пока вороны не начнут мне выклеивать глаза, он ради пущего эффекта устрасения разбавил шепот тяжелыми и громкими вздохами и долгими гласными звуками. Самый короткий катарсис в истории театра.

Так как мучители и сами начали сомневаться в том, что мне известно, где находятся исчезнувшие люди (а между делом они тщательно обыскали все дома и убедились, что в них действительно не осталось ничего, что бы можно было взыскать в уплату), гайдуки предложили мне неожиданное решение – присоединиться к гайдукам. Приближалась война, и, значит, мне дается шанс отличиться в борьбе с неверными.

Это был прежде всего шанс для нас выбраться из гроба. Но не знаю, почему, я вдруг твердо решил, что не сделаю им никаких уступок. Просто не хочу. Я видел, что и моя подруга

по несчастью настроена так же, отчего мне было еще легче оставаться последовательным в своем намерении. Хотя мы уже околевали от голода.

Гайдуки навевались к нам поочередно. Кричали, угрожали, просили, а мы смотрели на них как на скачущие кочаны капусты.

Вероятно, чувствуя наше духовное превосходство, гайдуки начали нам исповедоваться.

Атанацко признался, что много обманывает жену. Стойко поведал нам, что его спина все больше деревенеет. Маджаревич был вынужден признать, что в гайдуцкой организации не все обстоит так гладко, как следовало бы, и что капитаны и обер-капитаны превращаются в настоящих самодуров. А Чабаркапа однажды зашел, чтобы сказать нам, что у него заканчивается табак.

А Стойко даже, чуть не плача, признался, что не может нас отпустить, так как, сделав это, он нарушил бы все правила и, возможно, сам угодил под удар старших по чину. А его любому убьют капитаны, если он не привезет им денег. Колары – уже третье покинутое селение на той территории, которую он должен выпотрошить, то есть привести в порядок. К тому же теперь и немцы в курсе нашего дела, и замять его так просто не получится. После всех этих исповедей в нашем временном гробу долго витал запах перегара.

Как бы там ни было, но мы сблизилась. Это было и хорошо, и плохо. Гайдуки вернули нам книгу. И дали нам немного еды. Но они привносили столько смрада в наш тесный закуток, что выносить его было невозможно. Можно было подумать, что эти всадники Апокалипсиса никогда не мылись.

Еда для нас уже не имела такого значения, как поначалу. Мы съели совсем немного холодного жаркого, а остаток отложили в сторону.

На третий день нашего затворничества Стойко распахнул дверь и ликующе встал в дверном проеме.

– Я знаю, что делать!

Мы лишь вопросительно посмотрели на него.

– Гербер!

Это не походило на формулу решения сложной проблемы, в которой мы все оказались. Но Стойко был настолько одушевлен, что даже не скрывал своей мотивации.

– Я продам вас Герберу!

Что случилось?.. В Колары из Белграда прибыл в сопровождении двух тяжелооруженных слуг и любовницы шевалье Готфрид Гербер, родом из Буды. Встреченный немцами со всеми почестями, приличествовавшими такому господину, он пожаловался, что никак не может в этой сербской пустыне найти образованного человека, который бы помог ему сделать одно дело на пути в Царьград.

Присутствовавший при разговоре Стойко отреагировал с рефлексом истинно делового человека. Он сразу же спросил, сколько бы Гербер платил за это. И когда услышал невероятную цифру – пять форинтов в неделю, тут же придумал план. Если бы шевалье Гербер выдал вперед месячную плату в двадцать форинтов, он бы уступил ему одного настоящего грамотея!

Гербер выказал готовность выплатить вперед искомую сумму. И вообще, он – прекрасный господин, очень щедрый. Так что мы можем выйти из своей темницы. Рабы проданы. Бакалейная лавка закрывается для всех.

Я должен был только уступить Стойко свою первую месячную плату, равную не заплаченной мной годовой контрибуции.

Уставший ото всего и не склонный к многословию, я согласился на эту торговую сделку белыми рабами, в которой я был рабом раба. Если обрести свободу по-другому не получается, то пусть будет так – хотя бы ради продолжения путешествия в Царьград. Да и деньги, конечно, были солидные. Совсем не плохо путешествовать с достаточной суммой денег. Ну, а первый месяц мы как-нибудь ужмемся!

Мою невесту, правда, эта идея совсем не воодушевила. Как будто она привыкла к нашему скромному бакалейному гробу и ей расхотелось выселяться из него. Мы немного повздорили, после чего она, источая явное недовольство, все же соизволила выйти на Божий свет. Может, она все-таки немного на голову ушибленная? А ведь иногда она мне кажется такой умной!

Гербер – подозрительный авантюрист, выросший с сербами в Буде; отсюда и знает сербский язык. Он путешествовал по всему свету. И сразу же похвалился мне своими приключениями в России, Лондоне и Венеции.

Или у него в голове все впечатления смешались, или он все выдумывает. С довольно вонючими босыми ногами, задранными на стул, и сентиментально наморщенными бровями, он рассказывал мне, как во время карнавала в Венеции плавал на лодке, в которой находились прекрасные нимфы, а он сидел между ними, одетый как морской бог.

Лодку же тащили на веревках с берега венецианские крестьяне! Все венецианки его запомнили!

Господин Гербер держится очень загадочно, когда рассуждает о масонах, которые сейчас главная примечательность в Лондоне и Европе. С неподвижными, как у безумца, голубыми глазами, доверительно, почти шепотом, он задает мне риторические вопросы – почему власти во Франции и Голландии запретили масонские организации.

Вообще-то шевалье Гербер больше всего любит говорить о женщинах и о своих успехах у противоположного пола. В таких случаях он ржет как молодой осел и испускает странные звуки.

Глядя на его подозрительную физиономию со сплюснутым красноватым париком на голове, человеку даже в голову не придет засомневаться в том, что венецианки его действительно запомнили. И все-таки он больше походит на портрет с объявления о бежавшем преступнике, нежели на образ из воспоминаний девушки. Хотя, быть может, девушкам нравится, что он придает большое значение личной гигиене. Он не только воняет, как и все здесь, но еще и благоухает. Постоянно опрыскивает себя духами, а свои тонкие усики мажет помадой.

У шевалье Гербера целая гора разных духов, которые он перебирает со своей любовницей Фаустиной. Я готов побиться об заклад, что Фаустина – не настоящее ее имя. Впрочем, это действительно не важно. По предпоследней парижской моде Фаустина ходит крапленая искусственными родинками, которые французы называют «мушками», *mooches*.

Вероятно, чтобы доказать, что она сладкая как сахар, она прилепила на себя столько таких «мушек», что стала похожа на толстощекую саламандру. То, что в Сербии мухи слетаются чаще не на сахар, которого ни у кого нет, а на кое-что другое, для нее, судя по всему, не имеет большого значения, да и выше ее концептуальных талантов. Фаустина в основном молчит. По-моему, это хорошо в ее понимании. Целыми днями она выглядит заспанной, как будто только что встала или собирается лечь. Она и в самом деле большую часть дня проводит в кровати. Гербер время от времени прошмыгивает в их комнату и закрывает за собой дверь. А потом из-за двери доносятся воркование, смешки и вздохи. Нелегко держать свечку над любовной парой и не проявлять никакого интереса, даже если речь идет о Гербере и Фаустине.

Мне опять приходится сидеть в передней части бакалейной лавки, которую мы превратили в своеобразную канцелярию, в которой дело есть только у меня – писать. А сидящий рядом симпатичный слуга Гербера, Милосав, с бородой, растущей прямо из глаз, непрерывно пересчитывает свои сбережения и вздыхает. Потом начинает разглядывать дырку в стене, а когда к Милосаву кто-нибудь обращается, ему требуется время, чтобы вернуться назад в реальность из своей, милосавовой Сербии, которую он создал в своем воображении на заработанные деньги. Милосав очень набожен и постоянно крестится.

В нашу «темницу» я, конечно же, больше не захожу. Мы сложили в ней кое-какие вещи Гербера. А гайдуков спровадили в соседний дом, у которого запекали поросенка. Не похоже, чтобы они торопились продолжить свое путешествие. Хотя Стойко и получил свои форинты.

Вероятно, он надеется выклянчить у Гербера еще денег. Раскаялся, что продал меня задешево. Кто знает, может, и гайдуки намереваются скрыться от своих работодателей? С теми деньгами, что уже собрали с людей? Вполне вероятно. Атанацко вот часто обманывает жену, а остальные и не упоминают, что женаты. Их ничто не держит.

Занимательно предвоенное время. В любой стране и в любую эпоху.

Моя любовь помалкивает, но гораздо речистее, чем тупая Фаустина. Она на дух не переваривает шевалье Гербера. Даже если что и прокомментирует, то, как правило, насмешливо, с толикой гадливости. А уж как ее воротит от дорого, но безвкусно одетой Фаустины! Называет ее толстой провинциальной курвой.

Гербер утверждает, что хочет опубликовать описание путешествия из Сербии, которая сейчас является для Европы в определенном смысле Новым Светом, так же как и Америка. Но я думаю, что он – шпион. Только не знаю – чей. Сомневаюсь, что английский. Что здесь ловить англичанам? Быть может, турецкий? Он показал мне два номера лондонского журнала «Джентльменс магазин», в котором в марте напечатали одно его короткое сообщение из Белграда. О том, что Тамас Кули-хан подавил бунт, но все еще не желает ратифицировать мирный договор с Портой.

Тамас Кули-хан – персидский правитель. Это я узнал между делом, но до сих пор не понимаю, откуда Гербер в Белграде почерпнул сведения о событиях в Персии! И почему англичане публикуют известия о Персии, поступающие из Белграда.

Я ничего не понимаю, да меня это и не касается. Я написал свое сообщение о метрополии Колары из пяти-шести растянутых предложений. Гербер настоял, чтобы я включил в него точное количество домов, описание крепости, численность солдат, описание окрестностей. Все, что я пишу, переведет на английский друг Гербера. Из истории я внес лишь рассказ моего знакомого, капрала Стойко, для устрашения турок. О том, как в 1717 г. на лугу по левую сторону от Колар турки, разбитые под Белградом, остановились отдохнуть и напиться воды из одного колодца, который сохранился там до сих пор. На том лугу их настигли сербские добровольцы и гусары и всех их перебили. Обходя окрестности, и я отпил водицы из того колодца. Не выйдет ли и мне это боком?

Сейчас я уже и не знаю, куда себя деть. Только сижу и пишу все это. Герберу неясно, почему я столько пишу, но его это и не волнует особо. Он щедрый человек. Бумагу и чернила могу расходовать неограниченно. Завтра мы вроде бы должны продолжить путь с какой-то важной делегацией, направляющейся в Царьград. Из-за разбойников надежнее путешествовать большой группой. А вечером будет праздник, который устраивает австрийский поручик.

Меня немного обеспокоило то, что Гербер и его сопровождающие всполошились. Ежечасно закрываются в комнате шевалье и о чем-то шепчутся. Фаустину даже не замечают, а это не так-то легко, учитывая, что в комнате нет ничего, кроме сколоченной на скорую руку кровати, на которой она целыми днями валяется.

Ну не сотворят же они какую-нибудь глупость? Я не имею в виду реальную вероятность того, что они таки сядут на заспанную Фаустину и раздавят ее. Мне не хочется подслушивать, но я слышал, как они упоминали одного члена делегации, майора Овергалтера, задолжавшего Герберу какие-то деньги. Я здесь никто и ничто, и если заварится каша, нам не поздоровится. Милосав и Анджелко начали пугать меня своим видом.

Их туповатость меня вообще больше не забавляет. Каждый день мне попадаются на глаза пистолеты, которые они бросают в доме куда ни попадя.

Делегацию сопровождает отряд солдат. Похоже, они вообще не намерены задерживаться в Коларах. И Герберу я не верю, когда он бахвалится своими дуэлями. Впрочем, откуда мне знать. Господи, что я делаю с этими подозрительными личностями? Да ладно, что за глупости... Что делаю? Путешествую... В Царьград. К месту великой встречи, после которой уже ничего не будет как прежде...

– Эти бабы все готовы скупить. С рассвета прячутся в засаде, – заявила с порога гостинной Вера, только что вернувшаяся из похода за стратегически важными продуктами. И, правда, ее добыча в полупрозрачной пластиковой сумке была совсем скромной – бутылка растительного масла и пакет сахара. – Ты еще не ушел?

Мики почувствовал себя так, словно его поймали на месте преступления. Осмотревшись, он сразу понял, что жена не спрашивает его, отправился ли он в Царьград. Нарочито спокойно и чинно он отложил старый желтовато-серый лист бумаги. И напряженно попытался вспомнить, куда именно ему надо было идти.

– Думаешь, уже пора?

– А то нет... Ты хоть знаешь, сколько сейчас времени? – отозвалась Вера из кухни.

Мики посмотрел на настольные часы на комод. Без трех минут час.

– Без трех минут час, – крикнул он в сторону двери.

– Ну, и чего ты ждешь? Ты опоздал, голубчик, – Вера снова появилась на пороге, уже без сумки.

– Куда я опоздал? – неуверенно переспросил Мики, продолжая глядеть на часы.

– На похороны! Что с тобой, Михаило?

«Похороны, похороны», – повторял отец Михаило про себя, пытаясь разгадать шифр.

– Ах да, похороны. Драги Джавол. Новое кладбище, отец Райя... – священник и дальше пытался говорить так, будто держит ситуацию под контролем.

– Райя должен зайти за мной. Только натяну рясю...

– Это новый уговор? Все равно вы опаздываете.

Мики вскочил с софы и засуетился, не зная, что делать в первую очередь.

– Что ты имеешь в виду под «новым уговором»?

– Вчера я слышала, как ты ему сказал, что ты зайдешь за ним. Ау-у-у, голубчик...

Только сейчас Мики вспомнил, что пока он читал, несколько раз звонил телефон. Должно быть, это Райя ему названивал.

Вера обвела взглядом открытую коробку и бумаги на столе.

– Что там?

Мики, бегая по комнате, укладывал в сумку вещи, которые должен был взять с собой. Черная епитрахиль, требник, крест и базилик. «Чего только там нет, я еще изучаю», – бросил он Вере и вылетел в прихожую обуться. Облачаясь перед зеркалом в рясю, Мики вспомнил, что не убрал ценные бумаги, и влетел в комнату. Он застал Веру склонившейся над столом и пытающейся прочитать, что написано на последнем оставленном им листе. Ценные бумаги были разбросаны по всему столу. Мики положил на коробку крышку.

– Слушай, я должен запереть комнату. Чтобы дети что-нибудь не... Сейчас не до объяснений.

Вера оторопело посмотрела на него.

– Позвони из прихожей Райе и скажи ему, что я иду. Прошу тебя.

– Не переживай! Я все это соберу, – проговорила Вера спокойно, но на ее лице читалась обида.

– Верочка, я объясню тебе все, когда вернусь. – Мики почти что вытолкнул жену из комнаты. Запер дверь и бросил ключ в глубокий карман рясы, из которого ничто не может выпасть. Он не посмел посмотреть на Веру, а лишь без слов выбежал на улицу.

Попадья осталась в прихожей, совершенно ошеломленная.

Есть в сказках сюжет, когда таинственный жених оставляет принцессе ключи от дворца и говорит ей, что она может все осмотреть, но только не смеет отворять двенадцатую или тринадцатую дверь. Для женской природы это невыносимо и обидно. И великий соблазн, которому женщины обычно поддаются. А если заперта одна из дверей в трехкомнатной квартире, а муж

к тому же еще забрал ключ, нетрудно догадаться, что женщину – хоть принцессу, хоть обычную смертную – обуревают настоящая буря убийственного гнева.

Вера сначала решила спуститься в подвал и взять топор, да и рассечь дверь на кусочки. Но страх перед крысами оказался сильнее желания мести. Несколько раз попадая дернула за ручку двери, только подогревая свой гнев, а потом пнула глубокие зимние ботинки Мики и побрела на кухню.

От самого венчания они с Мики не имели никаких тайн друг от друга. Разговаривали обо всем. Мики ей иногда пересказывал даже отдельные подробности исповедей, которые ему доводилось выслушивать. Вера не была болтушкой, и Мики знал: все, что он ей ни скажет, останется при ней. Правда, он никогда не говорил ей, о ком идет речь. Как хороший священник, он умел хранить Святую тайну исповеди. Обо всем остальном они всегда разговаривали без оговорок.

«Что такого может быть в старой коробке из-под рубашки, чтобы он так себя вел? Совсем рехнулся. Еще тогда, когда как-то вечером он без причины разбушевался, я поняла: что-то не так. Может, не дай Бог, он завел любовницу?» – размышляла, отщипывая хлеб и пережевывая маленькие кусочки, попадая.

Со двора, среди детского гама, послышался вой Анджелии и настойчивый зов мамы.

– Что там у вас опять, дети? Не можете и на пять минут меня оставить в покое? – высунув голову из окна, заорала Вера, стараясь перекричать рев Анджелии. Детей во дворе было больше, чем обычно. Школьный приятель Божи, мальчишка из дома напротив, сын соседа Чомбе, и еще какие-то девочки старше по возрасту.

Мало всей этой детской ватаги, так там еще была одна небольшая овца, привязанная к шести там, где вытрясают ковры. Сосед-таксист с первого этажа вознамерился принести ее в жертву святому Георгию в один из дней. И овца бляяла так, будто и она участвовала в детской ссоре. Кроме заплаканной Анджелии, которая при виде матери заверещала что-то в сторону окна, никто больше не оглянулся на крик попады. Божа сцепился с соседским сыном, а остальные толкались и кричали друг на друга.

– Божа! – крикнула Вера как могла громче.

– Он хулил Господа! – воскликнул Божа и снова набросился на вероотступника.

– Хватит! Божа, отпусти мальчика! – рявкнула Вера, но без успеха. Драка грозила закончиться разбитыми головами, а в городских дворах нынче сплошной бетон.

Вера еще раз крикнула, а потом, обув растоптанные старые тапочки без шнурков, быстро спустилась во двор.

VIII. Кража

Чомбе до утра не сомкнул глаз. Еще до того, как проснулась Милка, он надел парадный костюм и в ожидании завтрака сел с транзистором за стол на кухне. Всецело поглощенный разработкой планов, он не заметил, когда Милка и дети встали, и не расслышал переданные по транзистору вести о графитных бомбах.

Пока Милка резала сыр и помидоры, Чомбе нервно барабанил пальцами по столу. Это был явный знак, чтобы к нему никто не обращался. Дети скрылись в своей комнате, а Милка молча накормила мужа и побежала собирать бельё для стирки.

Позавтракав, Чомбе аккуратно, стараясь не запятнать свой серый парадный костюм, умыл рот, причесался перед зеркалом и, ни слова не сказав, как будто за что-то рассердился на домочадцев, вышел на улицу.

На улице он встретил попадью. Чомбе не хотел допустить, чтобы она догадалась, куда и зачем он идет, и потому любезно ее поприветствовал. Попадья, по мнению Чомбе, была определено лучшей женщиной в округе. Вот и на этот раз он не смог побороть желания оглянуться на Веру, когда та входила в дом.

«Ух... какова! Как Великая Сербия!» – заскрежетал зубами Чомбе и похотливо смерил взглядом зад попадьи, когда та нагнулась, чтобы толкнуть дверь.

«Поп вовсе не наивен. Не будь он шпионом, не имел бы такой женщины... – размышлял Чомбе, направляясь к автобусной остановке. – Только долго это не продлится. Нет!»

Чомбе сел в автобус, с гордостью показав свое инвалидное удостоверение, и поехал до центрального офиса партии.

Он решил обратиться к самым верхам. Дело было настолько важное, что не имело смысла ставить его под угрозу хождением по нижним инстанциям. Чомбе никогда не общался ни с кем из партийных верхов, но он ни на минуту не засомневался, что с такой горячей новостью он легко пробьется наверх. Сам председатель партии несколько раз упоминал о существовании тайного оружия Теслы, способного решить исход войны, хотя ему, конечно, было неизвестно, где находится его формула.

«Э, сейчас ты узнаешь, кому это известно», – думал довольно Чомбе, глядя в окно автобуса на взрослых и детей с мишенями, нацепленными на кепки. Чтобы нервировать агрессоров.

Ребенок, сидевший перед Чомбе, прилепил нос к окну и упорно распыскивал по стеклу слюнные пузыри. Чомбе недовольно смотрел то на слюну, растекавшуюся по окну общественного транспорта, то на аккуратную прическу матери безобразника, которой не было никакого дела до того, что вытворяет ее чадо. Заглянув ей через плечо, Чомбе увидел, что она читает какую-то женскую газету. Текст на открытой странице обещал сообщить «Сто способов, как остаться молодой и привлекательной».

«Так дальше продолжаться не может», – Чомбе думал о том, что действительно подошло время, чтобы навести в стране Сербии какой-нибудь порядок.

Автобус проехал мимо недавно разрушенного здания полиции. После удара «Томагавка» остались стоять только стены с дырами вместо окон.

Охрана перед офисом партии встретила Чомбе не слишком любезно. Он предъявил партийный билет, военный билет, справку о получении пенсии по инвалидности и все прочие документы, которые только лежали у него в кошельке, и объяснил, что должен попасть на прием к кому-нибудь из руководства партии – по делу срочному и не терпящему отлагательств.

Но охрана так и не пустила Чомбе внутрь здания. Один коротко стриженный молодой бездельник забрал его членский билет, вошел в служебную будку и набрал телефон. Нахмурившись, он недолго переговорил с кем-то и вышел из будки, чтобы вернуть Чомбе билет и сообщить, что ему следует обратиться через три дня в канцелярию номер семь на первом этаже.

Чомбе сказал охраннику, что, возможно, тогда будет поздно.

Молодой бездельник только пожал плечами и ответил, что больше ничем не может помочь.

Чомбе повысил голос. Он заявил, что воевал добровольцем и такое отношение нельзя назвать нормальным. Он не решился бы побеспокоить партийное руководство из-за какой-нибудь глупости. То, что он собирается рассказать, может определить весь ход войны. Речь идет о жизни и смерти.

Бездельник попросил его не создавать очереди на входе и равнодушно повернулся к Чомбе спиной.

Стриженные и отутюженные парни из службы охраны засмеялись и неспешной трусцой начали бегать вокруг входа на улице.

– У вас будут проблемы, ребята, я вам обещаю. Не хватало вас за яйца, иначе вы бы так не... – выговорил с достоинством, авторитетно и в то же время достаточно осторожно, без ругательств, Чомбе и направился назад к автобусной остановке.

На самом деле он ожидал, что молодые бездельники передумают и окликнут его, но за своей спиной Чомбе не расслышал ничего, кроме смеха.

Можно было бы сказать, что ветеран войны пережил унижение. Именно это Чомбе и почувствовал. Однако он быстро нашел силы превозмочь обиду и не отступить от своей цели. Когда у человека сильная мотивация, он успешно преодолевает все препятствия и непонимание со стороны других людей.

В автобусе Чомбе твердо решил перейти к запасному плану.

Вернувшись домой, он переоделся и позвал младшего сына, Стефана Неманю.

Поскольку Чомбе обещал ему «Тетрис» (вещицу, которая, по его мнению, служила единственно для бесконечного оглупления детей и молодежи, но из-за которой Стефан Неманя его донимал изо дня в день), он объяснил сыну его роль в запасном плане.

Стефан Неманя должен был пойти играть с поповскими детьми и ровно в один час пять минут спровоцировать серьезную ссору с сыном отца Михаила.

– Ой, тятя, а как я узнаю, что уже ровно один час и пять минут.

Чомбе без слов снял свои часы, купленные на блошином рынке, и надел их на руку сыну.

– Смотри, не разбей, а то я тебе голову разобью. Ты вообще-то умеешь определять время по часам?

Стефан Неманя важно кивнул головой. Он выглядел очень довольным. Часы придавали ему серьезности.

– Угу, а ты мне их дал навсегда?

– Ну-ка, не строй из себя умника. Это «своч», простофиля.

– И сколько ты за него заплатил, тятя?

– Не твое дело! Ты часы-то побереги. Не дай бог, с ними что-нибудь случится. Как бы потом с тобой чего не случилось, озорник.

Стефан Неманя серьезно кивнул головой.

– А как я должен спровоцировать крупную ссору?

– Сделай, как я тебя научу. Скажи что-нибудь плохое о Боге и церкви. И не прекращай ссору, пока не выйдет попадья. Она должна вас разнимать.

– Ай, тятенька, ты же знаешь, как она умеет умирять. Опять нам будет читать Закон Божий.

Чомбе быстро закивал головой.

– Так-то оно так... А ты поменьше слушай. Женщина – попадья. Знает вероучение, – Чомбе щелкнул сына по голове. – И задай ей какой-нибудь вопрос, связанный с церковью. Ты понял?

– Какой вопрос?

– Откуда я знаю. Спроси что-нибудь. О свечках, о крашении яиц, да мало ли что... Ты должен задержать ее хотя бы на десять-пятнадцать минут. Понимаешь? Этого будет довольно... Сколько сейчас времени?

Мальчик важно поднял руку и посмотрел на часы.

– Маленькая стрелка на... Большая стрелка на пяти. Десять... Без двадцати час. Правильно, тятя?.. А ты поклянись, что купишь мне «Тетрис».

Чомбе вскочил.

– Как залеплю тебе сейчас затрещину!.. Буду я тебе клясться, молокосос! – пнул он сына. Мальчик задумался.

– А для чего нужно, чтобы я ей пудрил мозги десять минут?..

– Следи за языком! – Чомбе переменял тон и немного пригнулся. – Послушай меня, сынок. Речь идет об одном очень важном деле. Не могу тебе сейчас ничего рассказать, но придет день, и ты будешь гордиться отцом... и собой... Ты только сделай так, как я тебе сказал, и ни о чем не переживай... И держи язык за зубами! Никому ни слова о том, о чем мы разговаривали. Ты меня понял? – Чомбе похлопал сына по спине. – Все, у нас больше нет времени. Давай, сынок!

Стефан Неманя остановился в дверях. Он ничего не понимал. И опять открыл рот, чтобы спросить что-то.

– Не оборачивайся, сынок... – угрожающе прошептал Чомбе и указал мальчику пальцем на выход. А потом добавил: – Ровно в один час пять минут!.. Думай о «Тетрисе»!

Когда Стефан Неманя выбежал на улицу, Чомбе быстро надел старые тапочки, снял с вешалки свой поношенный дождевик и схватил пачку партийных листовок, на которых был напечатан порно-фотомонтаж с американским президентом, задыхающимся в свинских округлостях госпожи госсекретаря.

На кухонном будильнике было уже без девяти час. Ветеран почувствовал давление в мочевом пузыре, но решил потерпеть.

Он вышел на улицу. Все было чисто. Чомбе медленно перешел улицу и вошел в холл здания. Бросил несколько листовок в почтовые ящики – только ради того, чтобы отработать главное алиби. Стараясь успокоить бешено колотившееся сердце, Чомбе взбежал по лестнице. В открытое окно на лестничную площадку он увидел детей, игравших во дворе. Стефан Неманя занял позицию. Он собрал целую компанию ребятишек, чтобы показать им свои новые часы. «Дурачок! – подумал Чомбе. – Надеюсь, он ничего не напутает. И откуда взялась эта овца во дворе? Это ненормально! Дурной знак!» И продолжил свое дело. Быстро скользнул взглядом по обшарпанной поповской двери с глазком, большим как око циклопа, и неслышно взбежал на третий этаж. И там спрятался в глубокий косяк двери от квартиры покойного Дорогого Дьявола.

Листовки Чомбе из рук не выпускал. Он решил – если встретит кого-нибудь в коридоре, то начнет ему совать листовки и постарается привлечь к их раздаче. Так легче всего избавиться от помех. Предыдущий опыт говорил ему: как только пытаешься привлечь людей к патриотическим акциям, они сразу убегают.

Чомбе умерил дыхание. Ему осталось только ждать и надеяться, что Стефан Неманя не забыл его наставления. А учитывая то, сколько его сын имел двоек в школе, все было возможно.

Опять же, сын был для него идеальным соратником. Если бы что-то пошло не так, он мог легко отговориться, сославшись на детские глупости. Ну, а если кто-то назовет это злоупотреблением малолетнего, то ведь, по правде говоря, ребенок добровольно согласился на сотрудничество.

Вдруг этажом ниже открылась дверь. На лестнице послышались шаги. Кто-то бегом спускался вниз. Чомбе выступил из своего укрытия и перегнулся через перила. Поп только что

пошел на Новое кладбище на встречу! Они могли столкнуться на лестнице! И тогда бы все пропало.

«Хорошо, – подумал Чомбе, – поп опаздывает, но Бог меня хранит».

Со двора доносился обычный детский лепет. Секунды текли. «Я сейчас описаюсь», – пронеслась в голове у Чомбе паническая мысль, и ее тут же заменила еще более паническая идея: «А что, если этот пострел перешел в их табор!» На самом деле, Чомбе не удивило бы, если бы его сын продался за пачку жвачек. Он начал злиться на себя за то, что судьбу государства отдал в руки одного сопляка сомнительной морали.

Чомбе прикусил губу и, переминаясь с ноги на ногу, начал медленно отдуваться, чтобы как-то успокоить мочевой пузырь, бывший уже размером с футбольный мяч.

А потом со двора, наконец, послышались детские крики.

Крики во дворе становились все громче. И овца еще разблеялась. Чомбе показалось, что он слышит и женский голос. Должно быть, это попадя подключилась к детской разборке из окна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.